

Сколько прекрасных людей было в разное время вокруг меня. Еще раз спасибо всем, кто в разное время был, есть и, надеюсь, еще будет в моей жизни. Она была долгой, трудной, порой трагической, но, я уверен, - далеко не бесполезной.*

Я смотрю на сильную и мудрую реку, которая столько видела и столько знает. Мне кажется, что в плеске воды, таком разном и всегда завораживающем, то и дело звучит чей-нибудь знакомый голос.

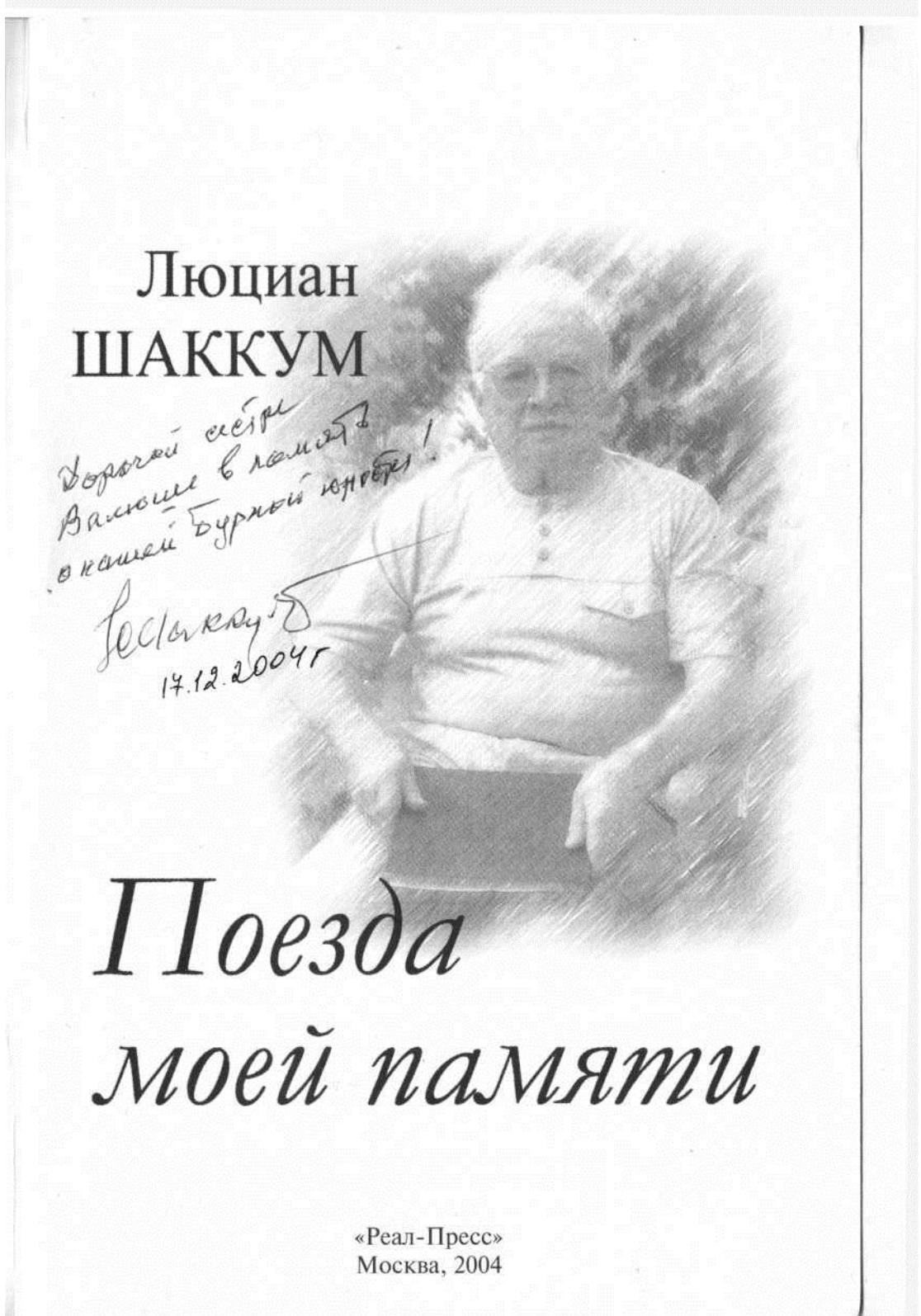
Конечно, это мне кажется. Просто это такая память сердца и не более того.

Но мы еще встретимся, дорогие мои!

Bau
Люциан Шаккум

Люциан ШАККУМ

Дорогой друг!
Вспомни в память
о нашем бурном юбилее!

Люциан Шаккум
17.12.2004г

Поезда моей памяти

«Реал-Пресс»
Москва, 2004

УДК 94(47+57) "19" (093.3)

ББК 63.3(2)62

Ш17

Шаккум Люциан

Ш17 Поезда моей памяти. – М.: "Реал-Пресс", 2004. – 128 с., ил.

ISBN 5-86891-061-3

Автор этих мемуаров Люциан Мартинович Шаккум - человек с удивительной родословной и потрясающей судьбой. Он прожил жизнь, в которой отразилось все, что происходило со страной в минувшем веке. Трагические двадцатые и тридцатые годы. Великая и страшная война, всю правду о которой еще не донес ни один юбилей. А потом, после Победы - сложное вживание в мир, безжалостно отторгавшее людей с клеймом "был в фашистском плену". Но автор пережил и это, чтобы затем строить Подмосковье, работать "на космос и оборону", долгие годы преподавать в вузе. И на каждом полустанке жизни - встречи с необыкновенными людьми.

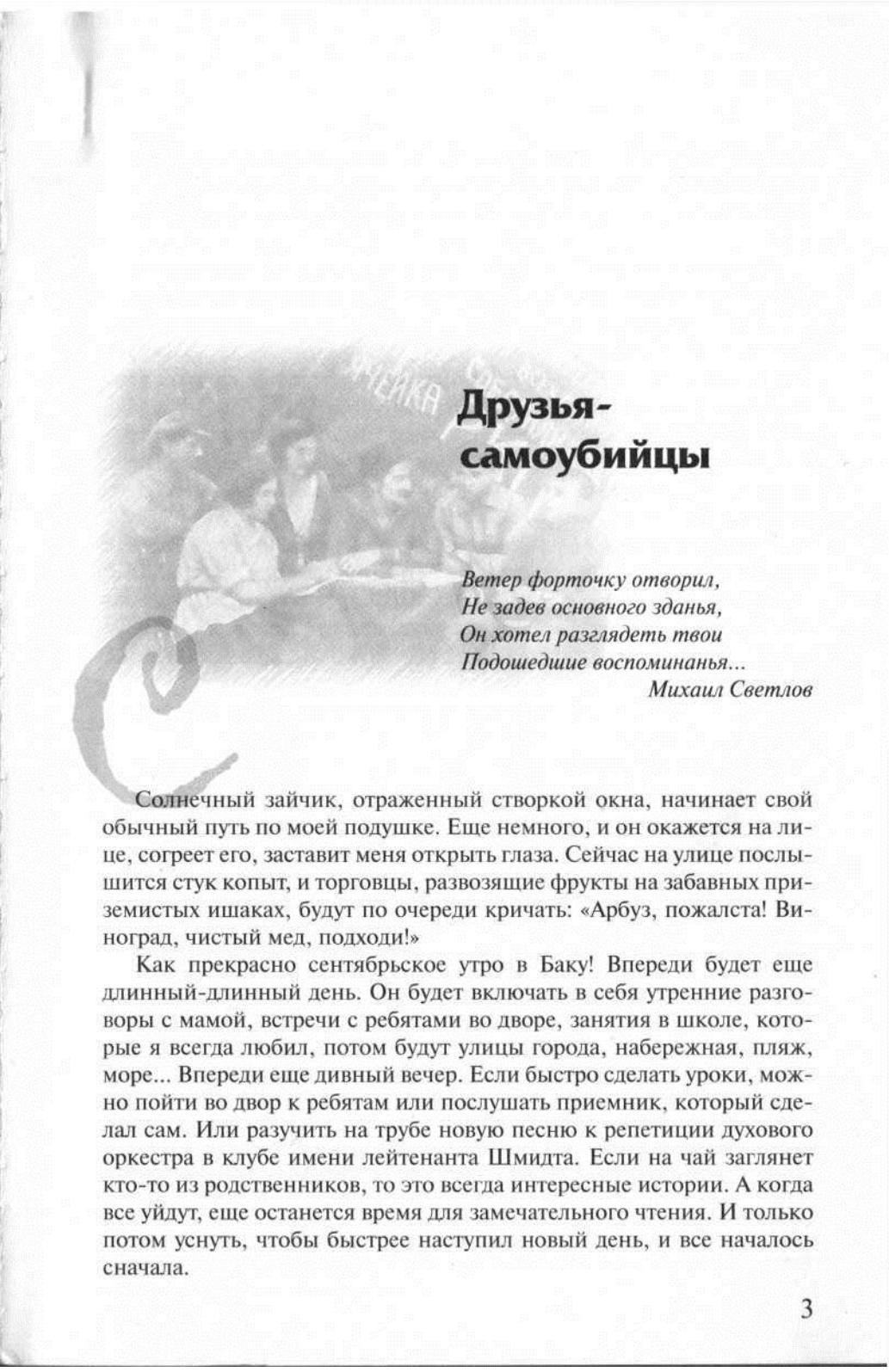
Книгу отличает от многих мемуаров два важных качества - бесподобная правдивость, и связь того, что уже стало историей, с остройшими проблемами нынешней жизни России.

ISBN 5-86891-061-3

© Шаккум Л.М., 2004

© Реал-Пресс, 2004

В оформлении использованы фотоматериалы из архива автора, фотографии военных лет. Издатели выражают благодарность А. и С. Венгеровым за помощь в оформлении книги.

Друзья- самоубийцы

*Ветер форточку отворил,
Не задев основного зданья,
Он хотел разглядеть твои
Подошедшие воспоминанья...*

Михаил Светлов

Солнечный зайчик, отраженный створкой окна, начинает свой обычный путь по моей подушке. Еще немножко, и он окажется на лице, согреет его, заставит меня открыть глаза. Сейчас на улице послышится стук копыт, и торговцы, развозящие фрукты на забавных приземистых ишаках, будут по очереди кричать: «Арбуз, пожалста! Виноград, чистый мед, подходи!»

Как прекрасно сентябрьское утро в Баку! Впереди будет еще длинный-длинный день. Он будет включать в себя утренние разговоры с мамой, встречи с ребятами во дворе, занятия в школе, которые я всегда любил, потом будут улицы города, набережная, пляж, море... Впереди еще дивный вечер. Если быстро сделать уроки, можно пойти во двор к ребятам или послушать приемник, который сделал сам. Или разучить на трубе новую песню к репетиции духового оркестра в клубе имени лейтенанта Шмидта. Если на чай заглянет кто-то из родственников, то это всегда интересные истории. А когда все уйдут, еще останется время для замечательного чтения. И только потом уснуть, чтобы быстрее наступил новый день, и все началось сначала.

Но в это утро меня разбудил не ласковый солнечный зайчик. Я даже не уверен, спал ли я эту ночь или находился в тяжелом бредовом кошмаре. Помню только, что мне мучительно не хотелось вставать.

Предыдущим днем случилось что-то ужасное, сломавшее счастливое течение этой прекрасной жизни. Мысль о том, что произошло, обожгла меня так, что я боялся открыть глаза. Лежал и пытался заставить себя поверить, что все это было страшным сном, который вот-вот развеется, исчезнет, и новый день станет таким же чудесным, как и предыдущие.

И все же я открываю глаза. Боясь пошевелиться, смотрю в потолок. Потом поворачиваю голову и вижу рядом с кроватью градусник на стуле. Да, вчера меня лихорадило, и, кажется, мама мерила мне температуру.

Значит, не сон? Это случилось на самом деле! Меня не приняли в комсомол...

Начинаю мучительно вспоминать этот кошмар, а в это время в соседней комнате раздается мамин не то крик, не то плач:

— Лючик, милый, крепись. Богдан и Коля застрелились!

Богдан и Коля — мои друзья. Вчера на заседании школьного комитета комсомола они защищали меня от нападок страшного и мерзкого человека.

Все звали его «товарищ Петя». Он был у нас начальником пионерлагеря, в котором я отдыхал прошлым летом, а затем вдруг появился у нас в 144-й школе старшим пионервожатым. Вечно расхаживал в каком-то полувоенном френче, изображая из себя героическую персону, не то военрука, не то комиссара. У него была искалечена одна рука. Поэтому ее, лишенную кисти, он держал в кармане, что делало его фигуру загадочной, если не сказать зловещей.

Отношения с «товарищем Петей» у меня не сложились сразу. Точнее, я к нему ничего не имел, но человеку, возомнившему себя наставником молодежи, видно, не нравилась моя активность. Я, например, не обращаясь к нему за помощью или советом, выбрал в домоуправлении с помощью райкома комсомола денег на спортивно-массовую работу и организацию «Форпоста», купил инвентарь, собрал ребят, которые хотели не только заниматься спортом, но и были готовы строить площадки. Думаю, это пришлось не по душе властолюбивому Пете.

И вот мое предчувствие подтвердилось в тот самый роковой день, когда меня принимали в комсомол.

Вначале все шло спокойно. Я чувствовал хорошее к себе отношение, normally отвечал на все вопросы. Но тут появился «товарищ Петя». И сразу же взял слово. Он расхаживал по комнате, энергично жестикулируя одной рукой, другая была в кармане, и потому казалось, что там у него пистолет.

Но я ошибся. Оружие «товарища Пети» находилось в его голове.

— Да вы знаете, кого вы принимаете в комсомол, товарищи?! Вы же окончательно потеряли бдительность. Это же Шаккум! Люциан Шаккум! Весь их род — враги народа! Ведь так?! — он направил на меня горящий революционной бдительностью взгляд. — Ты находишься на заседании комитета, в святая святых нашей организации, где невозможно лгать. Скажи, Шаккум, твои родственники — враги народа, они же арестованы?!

— Но еще ничего не доказано, — сказал я, стараясь сохранить спокойствие. — Не вы это решаете, а суд. Знаю своих родственников очень хорошо и уверен, ни один из них врагом народа быть не может. Все они настоящие советские люди.

— Ну, а если наши органы докажут, — тут он перестал расхаживать по комнате, выдержал паузу и бросил: — Ты сможешь их собственно ручно расстрелять?

Наступила жуткая тишина. Все взоры были обращены ко мне.

— Я не верю, что они — враги. Дядя Вася у нас строит Сталинградский тракторный, а тетя Надя — Московское метро. Другие мои родственники...

— Нет, погоди, ты не ответил! — куражился «товарищ Петя». — А если их приговорят? Расстреляешь или нет?!

— Нет, — тихо, но твердо сказал я.

— Вот видите, кто пытается пролезть в наши ряды! — возликовал мой мучитель.

Тут неожиданно встал мой славный друг Богдан и сказал:

— Вы, товарищ Петя, занимаетесь пионерской организацией, вот и занимайтесь...

— Ты что говоришь, вражеский пособник! — заорал страж революционной морали. — Да ты же у нас оппортунист, враг народа.

Что такое «враг народа», мы уже понимали. Но вот «оппортунист»... Это сбивало с толку.

Ретивый «товарищ Петя» продолжал с пеной у рта грозить Богдану. Потом набросился на моего одноклассника Колю, который сказал, что среди нас пособников врагов народа быть не может.

Я почувствовал, как меня бьет дрожь. У меня началась настоящая горячка, поднялась температура. Дальше я мало что помню, кроме

главного — меня не приняли! Не знаю, как добрался домой, потом уснул в слезах... А утром такая страшная новость: «Богдан и Коля застрелились!»

Не знаю, когда, как и чем запугал их «товарищ Петя». Но в том, что он со своей манией преследования «врагов народа» мог довести возбудимых, чувствительных ребят до самоубийства, сегодня я уверен. В то время, как я сейчас считаю, таких пылких «разоблачителей» в стране были тысячи. А я, и Богдан, и Коля были в том романтическом возрасте, жили в такой идеологической среде, которая действительно нас сформировала и наделила, как мы были уверены, ясными убеждениями. Наши взгляды были твердыми, вера — непреклонной, а психика... Что говорить, мы же были еще детьми! И если рядом вдруг арестовывали и объявляли врагами народа старших, людей, на которых хотелось равняться, было от чего впасть в отчаянье, запутаться, зайди в тупик...

После заседания комитета два моих славных защитника взяли охотничье ружья своих отцов, спустились в подвал дома и с помощью палок нажали на курки. Богдану разнесло сердце. Коле раздробило ключицу, он выжил, а когда его вынесли из подвала и стали спрашивать, кто виноват в том, что они решили уйти из жизни, он прошептал: «мослок». Это было прозвище, которое мы дали товарищу Петя. Тогда я не понимал, что это такое. Позже отыскал одно значение странного слова. Так в анатомии животных называется одна из костей гончей собаки. Это «товарищу Петя» подходило вполне.

Похороны Богдана не забуду никогда. Мы потребовали, чтобы для похорон нам выдали школьное знамя. И с этим знаменем под духовой оркестр, в котором я играл, мы провожали своего товарища.

Директора школы Ревеку Исааковну наказали увольнением, хотя она не была виновата ни в чем. «Товарища Петя» тоже убрали, но тихо, без какого-либо публичного осуждения, можно сказать, ласково. И это понятно. На дворе стоял 1937 год, который остро нуждался в таких бдительных «товарищах».

А его истерические крики: «Кого вы принимаете?! Это же Шаккум! Весь их род — враги народа!» — заставили меня тогда впервые задуматься над своей родословной, происхождением, над тем, кем же действительно были близкие мне люди, чего они сделали для родины больше — добра или зла, зачем жили, что отстаивали, к чему стремились. Наконец, что сделал я сам, правильно ли думал и поступал, оправдал ли доверие своих родителей, остался ли самим собой. Эти размышления не покидают меня и сейчас, когда уже родились дети у моих детей и время принесло такие изменения стране, миру, людям,

что минувший век, в котором протекала основная часть моей жизни, кажется чем-то вроде длинного черно-белого кино. Фильмом, в котором было все: добро и зло, мир и война, дружба и измена, ненависть и любовь.

Впрочем, нет в истории времени, которое обходилось бы без этих понятий. Поэтому лучше уйти от абстрактных размышлений и просто вспомнить. Людей, которых ты знал, и себя рядом с ними. Время, которое ушло, и себя в нем.

Мое желание рассказать об этом – это не стремление к какой-то славе (сколько людей писали воспоминания!), а всего лишь скромное исполнение долга перед теми, кто дал мне жизнь, кто наделил меня удивительными родственниками. Это была династия людей, достойных того, чтобы о них в истории были оставлены свидетельства их верности долгу, профессионализму, смелости, авантюризму в хорошем смысле этого слова. Наконец, главное, что я хотел бы показать – служение своей стране.

Это называется патриотизмом.

Но не таким, который кричит о себе на каждом углу или еще хуже – требует анализов на чистоту крови. Поэтому начну с тех, кто проявил себя патриотом России, оставаясь иностранцем, инородцем, с тех, кто делами своими дал фору многим «хранителям земли русской».

Российская авантюра братьев Нобель

*Нет Бога нефти здесь –
перекочую я.
Раз Бога нет, то нет и короля.
Но только вот нутром и носом
чую я,
Что подо мной не мертвая земля...*

Владимир Высоцкий

Своим появлением в Баку семья с необычной для здешних мест фамилией Шаккум обязана другой семье, столь же необычной. Речь идет о тех самых Нобелях, один из которых, Альфред, изобрел динамит и учредил известнейшую международную премию.

Основателем рода был Эммануэль Нобель, талантливый изобретатель-самоучка, который с семьей объявился в России в 1837 году, убежав из Швеции, где он наделал кучу долгов, занимая средства на свои фантастические проекты. Эммануэль привез в Россию трех сыновей – Альфреда, Людвига и Роберта. Последний был бизнесмен и авантюрист. Это он в марте 1873 года приехал на Кавказ по поручению своего брата Людвига, который занялся производством оружия. Роберт должен был закупить ореховое дерево для прикладов. Приехав в Баку, молодой человек как-то сразу забыл о винтовках. Нет, он увлекся не восточными красавицами. Роберт Нобель «запал» на нефть.

К моменту его приезда в Баку там уже вовсю били нефтекважины и работало несколько перегонных заводов. Роберт вложил 25 тысяч рублей, которые должны были пойти на покупку дерева

для ружейных прикладов, в новый бизнес – приобрел нефтеперегонный завод.

Предприимчивая семья его активно поддержала. Родственники решили: прежде всего, надо обзавестись специальными судами для транспортировки нефти. Но местным судостроителям идея показалась такой же тухлой, как и разговоры о нефтепроводе. Дескать, если бы эти предложения были цennыми, то американцы давно бы уже что-нибудь такое сотворили. То есть уже тогда преклонение перед Америкой было сильнее уважения к иным творцам прогресса.

Но один из братьев, Людвиг Нобель, от такого помрачения умов не опечалился, просто вспомнил, что по образованию он морской инженер. Поэтому засел за чертежи сам. Так в 1878 году в Швеции был изготовлен и спущен на воду странный корабль по имени «Зороястр». А в весенне полноводье «плавающую бочку» переправили по Волге в Каспийское море. Первый нефтеналивной корабль мог перевозить 250 тонн груза.

На чудо-судно бегали глазеть жители Баку, моряки, предприниматели. Нобели экспонировали танкер специально. Они понимали, что рано или поздно надо будет начинать строить такие суда прямо здесь, на Каспии. А для этого потребуются люди, желающие участвовать в новом бизнесе, люди, умеющие строить корабли, наконец – люди, способные на этих необычных судах плавать. Когда нагруженный нефтью танкер идет по морю, кажется, что это подводная лодка – так низко он сидит. Зрелище, я вам скажу, не для слабонервных.

Семейка Нобель вообще была рисковой. Когда Рудольф Дизель изобрел свой двигатель, мир отнесся к этому весьма прохладно. Нобелям до этого равнодушия не было дела. Они сумели оценить новинку, и уже в 1898 году с изобретателем был подписан договор, дающий Нобелям исключительное право пользования патентом Дизеля на территории России. Новый двигатель стали производить на заводе «Людвиг Нобель», который потом стал «Русским дизелем».

Первым и основным заказчиком дизелей было «Товарищество Бранобель». За несколько лет братья оборудовали большую часть своего флота новыми моторами, работавшими на соляре, считавшемся грязным отходом. В результате скорость судов выросла в полтора раза, а грузооборот в – 5-6 раз.

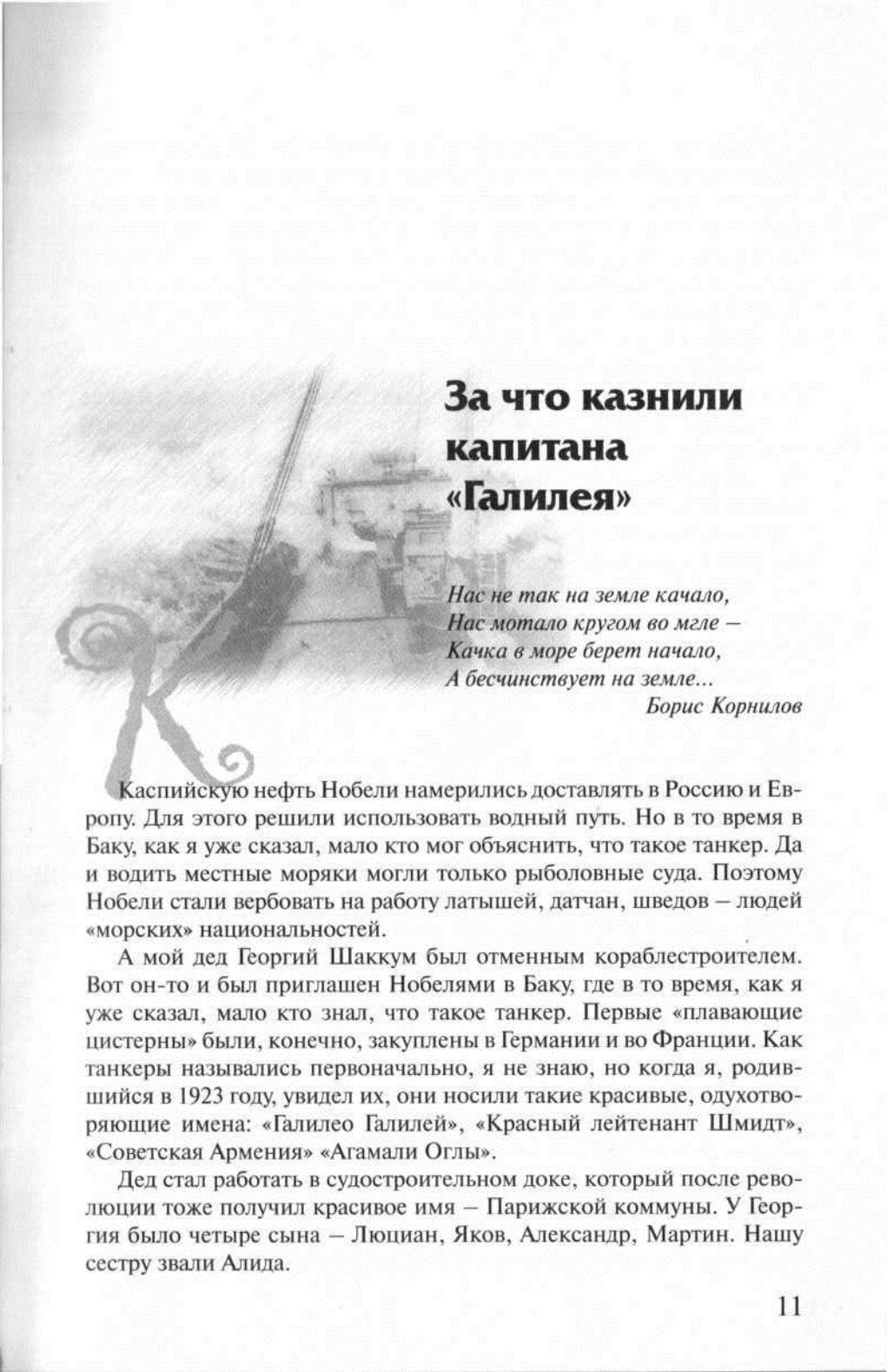
Но с началом советизации Азербайджана Эммануэль Нобель – это уже был сын Людвига, принявший эстафету славной династии – понял, что ему, «буржую», пора уносить ноги из этих благодатных мест. Он продал весь свой бизнес американцам за смешную цену в

7,5 миллиона долларов. Новые хозяева радовались сделке недолго – вскоре большевики национализировали все промыслы.

Вклад Нобелей в нашу экономику был весьма и весьма велик. Они не только организовали доставку нефти в Европу танкерами, но и проложили первые нефтепроводы. Кроме того, строили немало железных дорог, линий электропередач, телефонизировали целые города, возводили порты и склады. Кстати, это по их железнодорожной ветке от Константиновского завода до станции Чебаково во время войны шли эшелоны с цистернами нефтепродуктов на Москву, в Сталинград, на Курскую дугу.

И еще одна интересная история. Оказывается, в 1889 году правление «Товарищества братьев Нобель» учредило Российской Нобелевскую премию: «...за лучшее сочинение или исследование по металлургии или нефтепромышленности... или за какие-либо выдающиеся изобретения или усовершенствования в технике этих же производств». В комиссию премии виднейшие ученые России, например Д.И. Менделеев, Н.С. Курнаков. Первым лауреатом Российской Нобелевской премии стал инженер А.И. Степанов, разработавший «Основы теории горения ламп».

И, наконец, самое важное для моего рассказа: Нобели оказали колossalное влияние на нашу семью, на судьбы многих моих родных и близких.

За что казнили капитана «Галилея»

Нас не так на земле качало,
Нас мотало кругом во мгле –
Качка в море берет начало,
А бесчинствует на земле...

Борис Корнилов

Каспийскую нефть Нобели намерились доставлять в Россию и Европу. Для этого решили использовать водный путь. Но в то время в Баку, как я уже сказал, мало кто мог объяснить, что такое танкер. Да и водить местные моряки могли только рыболовные суда. Поэтому Нобели стали вербовать на работу латышей, датчан, шведов – людей «морских» национальностей.

А мой дед Георгий Шаккум был отменным кораблестроителем. Вот он-то и был приглашен Нобелями в Баку, где в то время, как я уже сказал, мало кто знал, что такое танкер. Первые «плавающие цистерны» были, конечно, закуплены в Германии и во Франции. Как танкеры назывались первоначально, я не знаю, но когда я, родившийся в 1923 году, увидел их, они носили такие красивые, одухотворяющие имена: «Галилео Галилей», «Красный лейтенант Шмидт», «Советская Армения» «Агамали Оглы».

Дед стал работать в судостроительном доке, который после революции тоже получил красивое имя – Парижской коммуны. У Георгия было четыре сына – Люциан, Яков, Александр, Мартин. Нашу сестру звали Алида.

Мой отец Мартин Шаккум вначале работал старшим помощником капитана Григорьева Анатолия Григорьевича на танкере «Галилей». Потом был капитаном «Шмидта», а еще позже, скажу прямо, из-за семейной материальной нужды ушел в рыболовецкий флот. А вот капитан Григорьев стал участником трагедии, случившейся в море с «Советской Арменией», на которой возник страшный пожар. Все это показано в известном старом фильме «Танкер Дербент», который в реальности как раз и был «Советской Арменией».

Капитан Григорьев привел на помощь «Армении» свой «Галилей» и начал буксировать охваченное пламенем судно. Но, увидев, что горящая нефть стремительно разливается по поверхности моря, приказал обрубить трос. А потом дал команду экипажу спустить шлюпки на воду. Но получилось так, что спустили не на воду, а на море огня. Шлюпки стали вспыхивать, как щепки. Люди пытались выбраться из зоны пожара, но надежды на спасение не было. Я узнал эти трагические подробности из семейных рассказов, из газет, которыми всегда интересовался. Я сам видел эти похороны. Было огромное количество гробов. Погибших провожал весь город.

Это были суровые тридцатые годы.

Капитана Григорьева расстреляли.

Такое совпадение: его брат Валериан Григорьевич был капельмейстером духового оркестра в клубе имени лейтенанта Шмидта, где я играл на трубе. Смерть капитана Григорьева и все, связанное с той страшной трагедией, отразилось на нем — он заболел сонной болезнью.

Отец к тому времени уже работал в «Южкаспрыбе», был приписан к организации с названием, как нельзя лучше отвечающим духу эпохи — «Контора активного лова». Он пошел в рыбаки, потому что жили мы впроголодь. Моя мама Мария Васильевна, учительница математики, преподавала за 150 рублей. Отец как капитан имел карточку служащего и 350 рублей зарплаты. Матросы получали больше, они считались пролетариями. «Гегемонам» еще полагалось 800 граммов хлеба, а иногда даже крупы.

Чем лучше было на рыболовецком траулере «Отважный»? Там периодически списывался неприкосновенный запас. Кроме того, в портах, куда иногда заходил траулер, папе удалось доставать сахар, сухари, крупы. И что особенно удивительно — клюкву. Эта северная ягода почему-то часто появлялась на нашем скромном столе.

До сих пор не могу без волнения читать последнее письмо отца, короткое, но очень яркое свидетельство того, как мы тогда жили:

«Здравствуйте, курносая команда! Как поживаете, чем дышите?

Соскучился я по вас ужасно. В настоящее время находимся в Красноводске на мелком ремонте. На промысле пробудем до 5 апреля. Писать мне не надо, т.к. письма не дойдут. Это письмо посылаю с моим помощником, надеюсь.

Мария, тебе надо обратиться в Контору Активного лова к капитану Астафьеву и попросить его ходатайствовать, чтобы вам выдали мой трашовый паек. Прилагаю доверенность. Паек можно расходовать, потому что я надеюсь привезти для дома немного риса.

Если письмо тебе вручит мой помощник лично, то передай с ним хоть короткую записку.

Наш лов до ремонта протекал хорошо. «Отважный» выловил 16000 кг.

Надеемся вернуться в Баку числа 10 апреля. Сегодня утром был в бане, чего и вам желаю. Сейчас иду в кооператив, чтобы купить тебе и детям выворотные чувяки. Из наичистейшей кожи!

Привет нашим всем. Мартин.

16 марта 1933 года».

Правда, не могу без слез читать это письмо. И дело не в той полу-голодной жизни! Она все равно была бы счастливой, если бы спустя всего несколько месяцев папа не погиб нелепой, трагической смертью.

Обычно отец брал с собой в плаванье ружье, одностволку-берданку. С командой он был в простых отношениях, жили, как одна семья. И вот в этот роковой день вестовой матрос Вася спокойно взял отцовское ружье, чтобы стрельнуть по какой-то морской птице. Одностволка дала осечку. Патрон заклинило. Папа стал его выбивать шомполом, повернул ружье стволом вниз, произошла детонация, медная гильза вылетела с огромной скоростью и разорвалась, тяжело ранив отца осколками в живот.

Это случилось 20 июля, в день моего рождения. А через несколько дней, 28 июля 1933 года, папа скончался от заражения крови. Так я остался без отца.

Сегодня, оглядываясь на те годы через целую жизнь, я думаю, что при его горячем характере, не случись этого несчастья, отец наверняка оказался бы в тюрьме, в лагере, разделил бы участь своих родственников. Он даже умирал как-то не всерьез: когда врач, профессор Лукин, схватился за голову и закричал: «Плачьте, я ничего не могу сделать!» – папа стал стыдить его: «Доктор, разве можно так, здесь жена, дети». А потом маме: «Муська, не верь ему. Я не умру». А когда мама закричала: «Мартин, у тебя синеют ногти! Ты слышишь

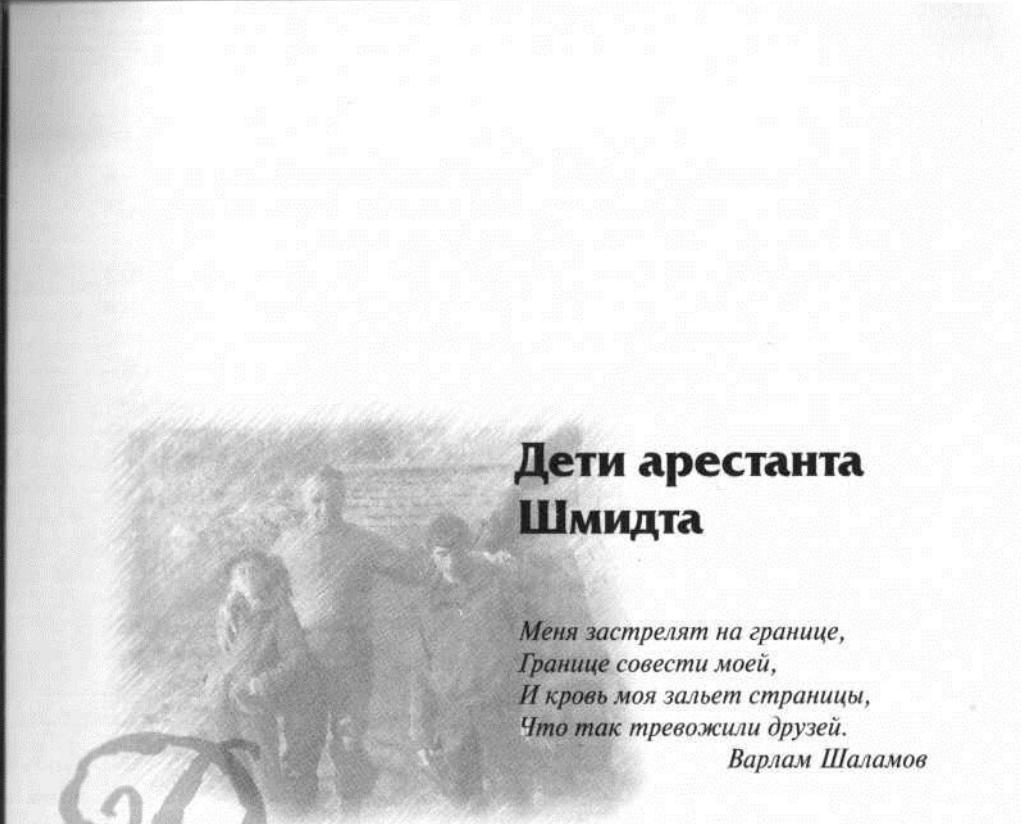
меня?» — «Слышу», — очень спокойно сказал папа последнее в своей жизни слово.

А из всех слов, что слышал я от папы, я лучше всего запомнил то, что говорил в свою очередь ему его отец Георгий Шаккум: «Если тебя когда-нибудь назовут подлецом, ты еще подумай — так ли это. Но если ты сам себя назовешь подлецом, то жить уже незачем».

Эти слова, я уверен, были правилом жизни не только моего отца, но и его замечательных братьев, и братьев моей матери, оказавших на меня, оставшегося без папы, очень серьезное влияние.

Когда были построены первые отечественные танкеры типа «река-море», проводом этих судов занимался настоящий ас своего дела, дядя Саша. Его профессия звучала, как музыка — караванный капитан. Один из опытнейших моряков Каспия, он обладал потрясающим по тем временам умением провести танкер из Горького в Астрахань, а затем в Баку. Названия первых четырех советских танкеров соответствовали времени: «Ленин», «Сталин», «Коминтерн» и «Профинтерн».

На «Ленине» плавал муж моей тети Алиды. Его звали Феликс Шмидт. По национальности он был датчанин. Делегат первого в стране слета стахановцев, коммунист, член райкома партии. Мой отец относился к Феликсу Шмидту с высочайшим уважением, считая его моряком от Бога и очень эрудированным человеком. Его эрудицию запомнил и я. Это дядя Феликс рассказал мне о знаменитом письме Ленина, в котором вождь предупреждал соратников по партии о том, что Сталину нельзя доверять безграничную власть.

Дети арестанта Шмидта

*Меня застрелят на границе,
Границе совести моей,
И кровь моя зальет страницы,
Что так тревожили друзей.*

Варлам Шаламов

Дядя Феликс был арестован через два месяца после очередной командировки в Москву. За что — этого никто не знал. Знакомые и родственники тихо обсуждали его дальнейшую судьбу. Некоторые с убежденностью говорили: вот плавал бы Феликс на «Сталине», никто бы его арестовать не посмел. Понимаю, что такое сейчас звучит смешно, но тогда это был весомый аргумент. Имя Ленина уже потихоньку отодвигалось на второй план. А все, что касалось Сталина, обретало святой ореол, и если уж человек командовал судном, названным именем гения, то такая «приближенность» все-таки давала больше шансов уцелеть.

Но дяде Феликсу не повезло, он плавал на «Ленине». И, хотя в соревновании неизменно занимал первое место на Каспии, в феврале 1938 года он был расстрелян. А позже, в мае того же года, семья получила сообщение о том, что ему дали 15 лет без права переписки. Так загадочно работала «бухгалтерия» репрессий. Но в те годы народ быстро понял эту циничную уловку: «без права переписки» было синонимом смертной казни.

Датчанин Феликс Шмидт был очень решительный, смелый человек.

Когда следователь, не добившийся никаких признаний, бросил в него чернильницу, Феликс спокойно налил стакан воды и протянул следователю: «Выпейте, нельзя же так распускаться».

Эти и другие подробности рассказал нам дядя Саша, тот самый знаменитый караванный капитан, который встретился с Феликсом в следственной тюрьме. Мастеру проводки судов из Нижнего Новгорода в Баку за такие рейсы можно было Героя давать, а его наградили двадцатью месяцами тюрьмы. Вышел он оттуда почти глухой. Почему — догадаться нетрудно. Но сам он ничего не рассказывал. Известно, что в те страшные времена со всех, кого чудом освобождали, брали подпиську о неразглашении. Они не рассказывали, что им пришлось пережить. На мой вопрос: «Дядя Саша, а что у тебя в тюрьме спрашивали?» — он с грустной усмешкой отвечал: «Да так, Люцик, всякую ерунду».

Его назначили инспектором на Каспийский флот и даже восстановили в партии. Но когда началась добыча нефти в море, дядя Саша неожиданно ушел из инспекторов. Он попросился в капитаны нехитрого судна, которое доставляло смены нефтяников к вышкам, расположенным на плавучих платформах. Эта «челночная» работа его устроила больше, чем инспекторские проверки экипажей.

Жену датчанина Шмидта тетю Алиду вскоре тоже арестовали и приговорили к 8 годам. Она отбывала срок в Карелии. Когда же началась война, ее перевели в Темиртау. Там в тюрьме она встретилась с «детьми врагов народа» — своим старшим сыном Феликсом и дочерью Валентиной, которые также сидели по году в Кишинской тюрьме. Феликса забрали с третьего курса института, а Валю из школы, она училась тогда в десятом классе. Младший сын Виктор к тому времени уже тоже сидел. В колонии для малолетних преступников. А после освобождения стал работать на нефтеперегонном заводе, где совершил геройский поступок — можно сказать, голыми руками потушил пожар и спас предприятие от аварии. Потом у него еще долгое время кожа сходила с обожженных рук.

Это мы с ним в первый день войны пойдем в военкомат — просяться на фронт. Но нас не возьмут по возрасту. Таким вот «малолетним преступником» был Витя.

Когда закончатся все сроки наказания, тете Алиде и ее детям отведут хибару в горной части Баку. Проживут они там, правда, недолго. Дочь Валентина выйдет замуж. Драматически сложится дальнейшая судьба Феликса и Виктора. Однажды их вызовут в милицию и почему-то заберут у них паспорта. На следующий день документы вернут слегка «исправленными». То, что было сделано, уму непости-

жимо: у каждого в паспорте в графе национальность слово «датчанин» перечеркнули, а вместо него вписали «немец».

Так они оказались в «немецкой трудовой армии». Выручило то, что Феликс имел медицинское образование: он сразу попал в медчасть при угольной шахте, а Витьку взял санитаром. Работа давала возможность учиться. Вскоре Феликс стал директором техникума. Не побоялся жениться на дочери репрессированного советского дипломата. Но неожиданно у Феликса обострился плеврит, заработанный еще в лагере, и он умер на руках дочери Елены, которая с моей помощью после реабилитации родителей переехала в Москву. Сейчас живет в Зеленограде, работает научным сотрудником. Феликс похоронен в Светлых горах.

Виктор окончил институт заочно, написал диссертацию о подъеме мелких фракций угля. Вернулся в Темиртау, стал главным инженером управления. Сейчас он на пенсии, живет в Москве. Жена Маргарита — тоже дочь «врага народа». Ее отец, начальник разведотдела одного из управлений РККА, был расстрелян.

Брат моего отца Люциан был военным моряком, служил механиком на канонерской лодке Каспийского флота. Ни в каких контрреволюционных делах никогда замечен не был. Тем не менее в конце 20-х власти вдруг вспомнили, что он все-таки царский офицер. И тут же его с женой и сыном сослали в Туркмению. Дальше жизнь его сломалась, как профессиональная, так и личная. В отличие от трагедии Феликса Шмидта это была тихая драма моряка, как будто специально лишенного естественной для него среды обитания.

Люциан был светлый человек, верный своей стране, своему долгу, бесконечно влюбленный в морское дело. На людях, подобных дяде Люциану, как раз и держались и армия, и флот, и все, что составляет основы государства. И когда таких убирали, репрессировали по каким-то немыслимым, диким обвинениям или по анкетным подозрениям, вроде пресловутого вопроса «Что вы делали до 1917 года?», тогда страдали не только те, кого зачисляли во «вредный элемент», но и страна, лишавшая себя лучших специалистов.

Конечно, в теперь уже далекие тридцатые годы самым подозрительным для тех, кто проводил репрессии, было даже не классовое происхождение — в конце концов, род Шаккумов шел от корабельных мастеров. Скорее, как говорится, фамилия «подгуляла». Она, фамилия, да еще странные имена давали чересчур ретивым и бдительным служителям различных органов поводы для смутных подозрений. Так я иногда думаю, но тут же другие воспоминания напрочь опровергают мои заключения.

Дело в том, что по линии мамы я русский. И по всем документам, и по языку, и по мировоззрению, и по судьбе. Только вот судьба у потомков Шикиных и Балакиных, чистокровных русских, была ни чуть не легче, чем у «подозрительных» Шаккумов.

Мой дед Василий Иванович Шикин, происходил из деревни Царевшино Вольского уезда Саратовской губернии. Его родное село прославилось тем, что именно здесь заковали в цепи бунтовщика Емельяна Пугачева. А у моей бабушки по маме Александры Федоровны Балакиной отец был прославленным кулачным бойцом.

У Василия Ивановича Шикина до женитьбы на моей бабушке была другая семья, в которой родился сын Степан. А уже с моей бабулей они родили тринадцать детей, из которых выкормили, вырастили девятерых. Кроме Степана, в семье были Николай, Петр и Василий, остальные – дочки, включая мою маму Марию Васильевну.

Дед был призван в армию, где окончил фельдшерские курсы. Потом работал на железной дороге поездным ревизором и поездным фельдшером одновременно. Помню его знаменитый сундучок с принадлежностями и лекарствами для первой помощи. Сундучок мне представлялся волшебным, а в самом дедушке Василии было что-то от земского врача.

Когда он обосновался в Баку, в судьбе его сыновей немалую роль сыграла все та же династия Нобелей.

Старший мамин брат дядя Степа учился по направлению Нобеля за границей. Затем он стал преподавателем, проработал 50 лет в МГУ, где заведовал кафедрой начертательной геометрии. Он придумал и изготовил специальное пособие для обучения людей, у которых отсутствует пространственное воображение. Студент, не способный представить трехмерное пространство, смотрел в этот прибор, и плоское изображение вдруг вырастало в объемное. Так трагически сложилась судьба, что именно дядя Степа, учивший сложному видению других, к концу жизни стал терять зрение. Но он не сдался, освоил грамоту слепых и работал до своего последнего дня.

Его жена всю жизнь была учительницей. Она происходила из дворян, но из таких бедных, которые до церкви ходили босиком, а перед тем, как войти в храм, надевали единственную пару обуви. Их дочь Зоя училась на геологическом, а по вечерам становилась рабочей сцены в Большом театре. В оккупацию эти русские интеллигенты уезжать отказались, остались в Москве и жили очень голодно. Помню, в их доме уже после войны хлеб подавался на стол целым батоном, и каждый отрезал столько, сколько нужно, чтобы не оставалось нарезанных кусков.

Сын дяди Степы Николай был авиаконструктором и летчиком одновременно. Он работал с Туполевым. Я запомнил Колю еще юношой. Он приехал в Баку, и мы купались с ним в море. Он был очень серьезен, когда нырял со скалы. Уже тогда это было сочетание отваги с точным расчетом. Он погиб в уже освобожденной от фашистов Болгарии при испытании нового самолета.

Другой сын, Сергей, окончил военное училище и долго служил на армяно-турецкой границе. Потом, уже полковником, работал на Лубянке, в управлении погранвойск.

Такие вот нелегкие биографии. Но для того чтобы понять и оценить судьбы других родственников, надо знать, что в нашем роду семья дяди Степы считалась наиболее благополучной, сумевшей прожить разные времена без особых утрат.

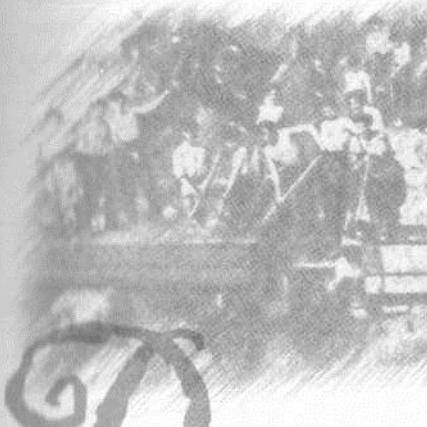
С ней может сравниться разве что дядя Вася, который работал по комсомольскому набору на авторемонтном заводе, а потом строил Сталинградский тракторный. В книге, посвященной строительству этого предприятия, о нем есть очерк.

Я читал эту книгу — «Люди Сталинградского тракторного». В ней мне больше всего запомнились два очерка. Один из них назывался «Клопы съели трактор». Это о том, как работников завода, живущих в общежитии, мучили клопы. На борьбу с кровососами, которые пикировали на людей прямо с потолка, уходили целые ночи. А утром полусонные работники шли на смену. Падала производительность. Число машин, выходящих с завода, уменьшалось. Так клопы ели тракторы...

А второй очерк назывался «Светлая искра». Это рассказ о том, как мой дядя, шлифовальщик шестого разряда Василий Шикин, обучил бригаду молодых ребят, составленную из бывших крестьян Тамбовской области, работать так, что они заткнули за пояс высокомерных американских инструкторов. Ясное дело, что такие понятия, как микрон, чистота, допуск, колхозным парням были в диковинку. Да и вообще, как писалось в очерке, ударный труд по-русски чаще всего осуществлялся с помощью кувалочки, ломика и прочих «тонких» инструментов. Но дядя Вася еще до Сталинградского тракторного прошел серьезную школу, и, когда он показал новичкам, как можно работать, те загорелись. Буквально через несколько месяцев эти ребята стали классными шлифовальщиками. А «светлая искра» — это не журналистская метафора, а, можно сказать, технический термин. По мере того, как шлифовальщик обрабатывает заготовку, доводя ее до точного размера, искры, вылетающие из-

под режущего круга, меняют свой цвет. Когда искра становится светлой, это означает, что надо остановить станок, взять в руки тонкий измерительный инструмент и проверить, насколько точно изготовлена деталь.

В этом замечательном очерке было немало хороших слов о моем дяде, его мастерстве, патриотизме. Но там не было, да и не могло быть ни слова о том, например, о том, как после ареста дяди Пети героя «Светлой искры» вызывали в НКВД и долго уговаривали написать официальный отказ от своего брата — «врага народа». Как поступил дядя Вася, я до сих пор не знаю. Но нервы ему потрепали крепко.

Как Александр Македонский спас моего дядю

*Виновато гуляла улыбка
По моим арестантским губам,
Говорил я, что это ошибка,
Но не очень-то верили нам...*

Виктор Боков

Дядя Петя Шикин был арестован первым из моей родни. И это особенно потрясло всех нас. Был он железнодорожником, машинистом-ударником, последователем гремевшего в те годы рекордсмена на транспорте Максима Кривоноса. Жизнелюб и замечательный певец. Вообще среди моей родни было немало талантливых исполнителей. Мама пела в Бакинском рабочем театре. Выступала вместе с профессионалами. Меня тоже Господь ни слухом, ни голосом не обидел — пел даже в Колонном зале Дома Союзов.

Так за что же взяли ночью дядю Петю, героя довоенных пятилеток?

Пришел он однажды на работу и рассказал, как младшая дочка пожаловалась, что она голодна, а есть в доме в тот вечер было уже нечего. Дядя погладил дочку и говорит: «Давай я тебе сказочку расскажу, а завтра еда у нас будет...».

Девочка под сказку папы быстро уснула. А его рассказ об этом случае взял на заметку один бдительный коллега и сообщил куда следует.

Невинная история со сказкой стала поводом для обвинения во вражеской пропаганде, создании паники среди населения, в распространении клеветнических измышлений о надвигающемся голоде.

Как все машинисты, работавшие в химически вредной среде, дядя получил целый букет болезней, в том числе и язву желудка. К этому добавили пять лет тюрьмы за «сказочку» или, как было «мягко» сформулировано в приговоре, «за неосторожно сказанные слова». После сослали на лесоповал в Архангельскую область. Прошло еще пять лет, но он так и не возвращался. И лишь когда закончилась война, к нам неожиданно приехал один фронтовик. Оказалось, он был дядиным соседом по нарам, а потом отвоевал в штрафбате. Он-то и рассказал, что дядя Петя был застрелен прямо в бараке комендантом лагеря – лишь за то, что не смог больным подняться на работу.

А дядя Коля Шикин – это уникальный человек. Член РСДРП с 1914 года. В его жизни был эпизод, который почти буквально воспроизведен в фильме «Адъютант его превосходительства». Такую же дерзкую операцию, какую провел герой картины, организовали большевик дядя Коля со своей женой. Антонина Васильевна у него тоже была, как героиня фильма, «буржуазной дамочкой» – дочкой хозяина Бакинского авторемонтного завода. «Красная» семья на станции Кишлы подорвала железнодорожные пути, из-за чего английские танки не были доставлены в Баку. Затем, как известно, англичане все же вошли в город. А дальше была хорошо известная история расстрела двадцати шести бакинских комиссаров. Отчаянный дядя Коля вполне мог стать двадцать седьмым, ему просто повезло.

В свое время он тоже выучился за границей на деньги Нобелей. Это помогло ему в дальнейшем построить первый в городе асфальтовый завод и проложить первую в Баку асфальтовую дорогу. Он был начальником дорожного отдела Азербайджана, депутатом Бакинского совета.

Тем не менее дядя Коля был арестован и предан суду. Это был очень громкий процесс.

Судили Николая Шикина и начальника «Бакуводопроводстроя» Богоявленского. Обоих обвиняли в злонамеренном вредительстве. По городу ходили такие прогнозы: если получат по 15 лет, это будет очень хороший приговор. Тогда еще мало кто знал, что обычное добавление к сроку – «без права переписки» – означало расстрел.

Против дяди Коли было выдвинуто два обвинения.

Первое: при строительстве моста отошел от проекта, утвержденного Москвой.

Второе: при строительстве дороги отошел от намеченного топографического плана.

Надо отдать должное дерзости адвоката, который собрал все необходимые материалы и начал свою речь весьма активно. Он сказал: «В Азербайджане есть два моста, построенные примерно в одно и то же время. Один – строго по проекту, утвержденному Москвой. Другой – с изменениями, внесенными по инициативе Николая Шикина. «Московский» мост уже разваливается, требует капитального ремонта, а «шикинский» стоит, как новенький. Далее защитник представил результаты экспертизы, и обвинение не нашло, что на это ответить.

Что же касается дороги, то это было и вовсе потрясающее!

Дядя Коля действительно отступил от карты. Но сделал это сознательно с целью экономии государственных средств. Дело в том, что он нашел древнюю дорогу, по которой когда-то шла армия Александра Македонского. Дорога по тем временам была выстроена действительно стратегическая, она должна была выдерживать прохождение по ней тяжелых колесниц. Потом полководец изменил свои планы, двинул войска куда-то в сторону Персии, но трасса, построенная полководцем, осталась. Ее-то и отыскал дядя Коля. На основу, заложенную великим завоевателем, он положил новое дорожное полотно, достигнув при этом огромной экономии.

Суд удлинялся на совещание. Ситуацию обсуждали долго, но приговор по тем временам был сенсационным. Шикина и Богоявленского (вина которого тоже не была доказана) «в связи с вновь открывшимися обстоятельствами» было решено «освободить в зале суда на поруки». Оказывается, в редких случаях оправдания, которые во времена репрессий все же имели место, тех, кого отпускали, должны были брать на поруки незапятнанные коммунисты. Чаще всего это были родственники. Но все партийцы нашей семьи в тот день, естественно, были на работе, потому что прогул тоже мог закончиться тюремным сроком. В зале сидела и плакала от счастья наша беспартийная бабушка. Поэтому дядя Коля задержался в тюрьме еще на одну ночь. Вышел, естественно, беспартийным. Потому что существовала такая устойчивая народная примета: если человека исключали из партии, то в ближайшую ночь его арестовывали.

После неожиданного решения суда первый секретарь райкома Сергей Арутюнов, дяди Колин друг детства, предложил ему вступить в партию вновь. Шикин отказался. Сказал, что был исключен несправедливо и может согласиться только на восстановление. Тут уже

Арутюнов пошел на принцип: «Суд тебя оправдал, это верно. Но ты же был исключен еще и за то, что не сообщил в райком об аресте своего брата Петра, врага народа».

Тут дядя Коля и вовсе вскипел: «Ты лжешь, Серега, когда Петю забрали, я пришел и лично тебе все рассказал!» «Не помню», — сказал Арутюнов и отвел глаза.

Дядя Коля повернулся и ушел. Он стал работать директором асфальтового завода, который сам строил. А после ему вернули должность, которую он занимал до ареста. Но в партию дядя Коля так и не вступил.

Все эти истории происходили у меня на глазах. Я часто думаю, почему это случилось с нашей семьей. С нашим родом, который еще до 17-го года выбрал свою дорогу в этой бурной жизни — почти все мои родственники были верны идеям социализма.

Конечно, в самой теории революционной борьбы была заложена программа уничтожения своих соотечественников по классовому признаку. Позже к этому добавились теории всевозможных заговоров, врагов народа и пр.

Да, у того страшного времени были свои теоретики: кто-то разрабатывал основания для репрессий. Но гораздо большее число людей эти идеи осуществляло. В истории остались громкие процессы и известные стране имена. Но такое происходило и на уровне города, района, улицы. За каждым делом стояли конкретные инициаторы, исполнители.

И у них была своя мотивация для того, чтобы информировать, арестовывать, допрашивать, пытать, отправлять на казнь. Вспоминается тот же «товарищ Петя». При всей своей энергии и диком энтузиазме это был, в сущности, малообразованный парень с огромными амбициями и могучим желанием выбиться в руководящий класс. Любой ценой. Прежде всего — ценой уничтожения тех, кто был не только умнее, образованнее, ярче, но и более искренне предан стране, обществу.

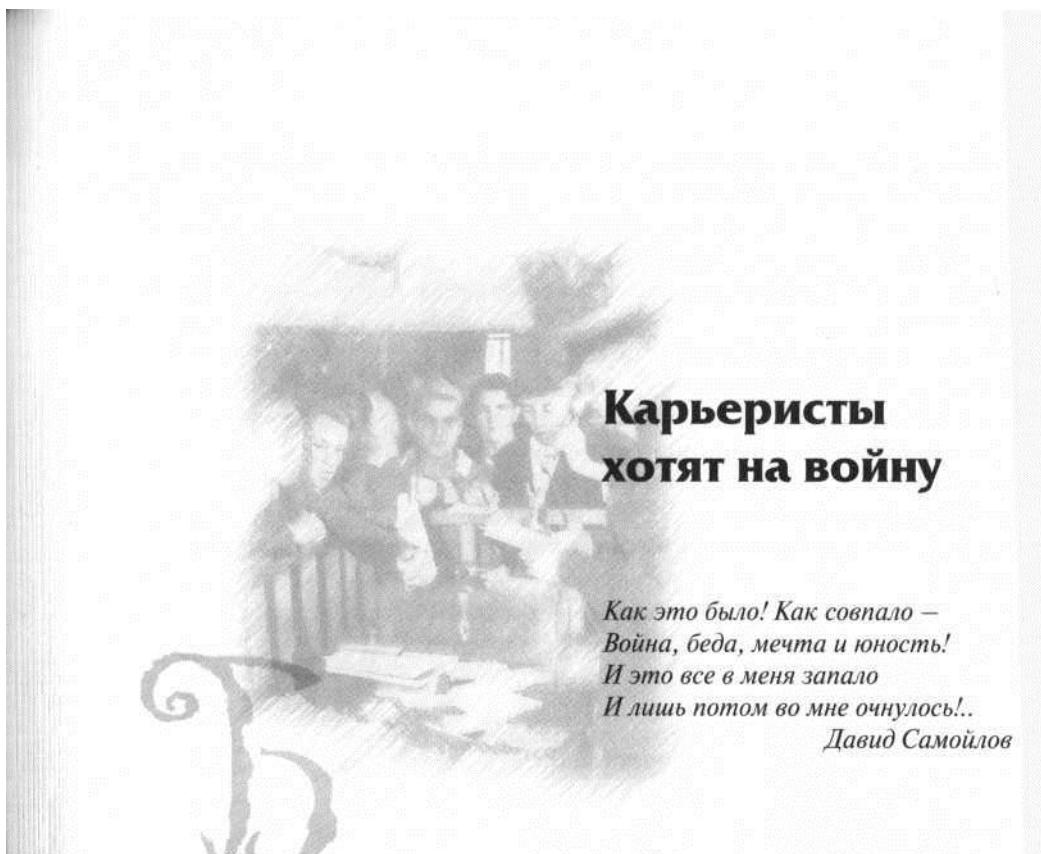
И так, думаю, было повсюду. В трагические тридцатые годы были уничтожены, брошены в тюрьмы и лагеря не самые худшие люди страны — военная, научная, художественная, наконец, если возможно такое определение, гражданская элита. То есть люди, наиболее преданные своей стране. Говорить о том, что в этом была повинна лишь партийная верхушка во главе со Сталиным — наивно. Атмосферу доносительства, несправедливых, ложных обвинений создавали другие. Люди, которые постарались утвердиться, повысить свой статус, улучшить условия жалкой жизни тем, чтобы упечь в тюрьму,

уничтожить более талантливого, успешного соседа, сослуживца, а иногда и просто попутчика.

Конечно, у нашей страны были и реальные враги, но не в таких же масштабах, в каких была развернута по всей стране мысль вождя о том, что по мере строительства социализма классовая борьба обостряется.

За эту теорию ухватились серые, завистливые, малообразованные. Худшие избавлялись от лучших. Они и приходили на смену таким, какими были мои замечательные родственники, о которых я не стыжусь сказать — они, а не их мучители, были настоящими строителями страны, ее патриотами и подвижниками.

Они дали мне очень много. И не столько советами и наставлениями, сколько примерами своей жизни, поступками, принципами.

Карьеристы хотят на войну

*Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
Илишь потом во мне очнулось!..*

Давид Самойлов

Благодаря тому, что в нашем роду образование относилось к естественным потребностям человека, я очень рано начал читать. Смешно сказать, но к 9 годам прочел всего Мопассана. И выбор книг был довольно широким. Помню старый сундук с самыми ценными фолиантами, среди которых были и церковные книги. Рискую показаться не очень современным, но не могу не признаться, что человеком верующим я никогда не был, хотя дед часто брал меня в церковь и в детстве меня крестили. Дали второе имя Леонид – так, по мнению попа, переводилось имя Люциан. Но позже выяснилось, что правильный перевод с латинского – Лука.

Впрочем, я своего необычного имени никогда не стеснялся и родословную свою не прятал, хотя и были времена, дававшие повод для конспирации.

Среди одноклассников, учителей, друзей моего детства у меня был авторитет, который я считал честно заработанным. Наверное, любой из нас скажет, что просто хорошая учеба – не повод, чтобы тебя так уж сильно уважали.

Я увлекался многим. Выписывал журналы «Умелые руки», мастерил радиоприемники. В 14 лет стал заниматься боксом. Наш район

считался в Баку неблагополучным, а попросту – бандитским. И первое, что заставило меня пойти в секцию бокса, было желание научиться защищать себя.

Двор, в котором я жил, выделялся творческим отношением к жизни. Мы устраивали разные игры, конкурсы, вечера самодеятельности. Сейчас трудно себе такое представить, но мы даже ставили оперу. И конечно, живя на Каспии, обожали рыбалку.

Помню, как я, умеющий хорошо плавать, переживал за тех, кто был подготовлен слабее. Вначале до места ловли ехали на трех трамваях, затем пешком по берегу и, наконец, надо было пройти по узкой дамбе, где немудрено было свалиться в воду. Мои друзья Юра Павлов и Шура Круминг пловцы были, можно сказать, никакие и потому вызывали у меня наибольшее волнение. Позже Шура станет командиром одной из первых в стране атомных подводных лодок. А Юра добьется замечательных результатов в спорте, будет преподавать в институте физкультуры. Спустя годы мы будем часто встречаться, ездить друг к другу в гости, проводить за воспоминаниями целые ночи. Настолько осты воспоминания детства....

У нас были замечательные пионерлагеря. Конечно, психологически это связано с особым, детским мироощущением. В детстве все было лучше, а в юности – тем более. Но я уверен, что летний детский лагерь – это всегда здорово. Поэтому сегодня не могу без волнения и возмущения слушать и читать о том, как трудно родителям, простым труженикам, отправить на лето детей в лагерь. Не на том страна экономит, если она хочет выращивать поколения здоровых, свободных, творческих людей.

Был я и горнистом, и юннатом, и вообще имел множество увлечений.

После восьмилетки я поступил в военно-морскую спецшколу. И там сразу же стал замечать предвзятое к себе отношение. Отвечаю на чистую пятерку – ставят тройку, придираются по ничтожным поводам. Переживал страшно, пока до меня не дошло – все связано с моей анкетой, с тем, что арестовывались родственники.

Невозможно даже представить себе, чтобы в то время подросток попытался доказать невиновность своих родных. Поэтому из элитной школы меня в конце концов «выдали». Правда, прощались делегатно – предложили пойти либо в пехотное училище, либо в фельдшерскую школу.

Уязвленный и обиженный, я сразу же отправился поступать в аэроклуб: была мечта пролететь на бреющем над военно-морской школой. Не вышло. Меня забраковала медкомиссия.

Так я встал в ряды строителей предприятия, именуемого в Баку сорок четвертым авиазаводом, о чем не жалею и по прошествии лет могу сказать людям молодым: поверьте мне, любой честный труд есть не только заработка, но, прежде всего, опыт. А это, как выясняется, намного ценнее тех скромных денег, которые получаешь.

Я работал, а в свободное время приходил к дяде Коле и он уже знал зачем. Он давал мне поездить на своей «эмке». И это тоже было сбирианием опыта...

Сегодня это кажется странным, но начало войны мне не запомнилось как огромное, страшное или трагическое событие. Наверное, потому, что в нас вселили эту уверенность: мы способны быстро и славно победить любого врага, а уж этих противных фашистов тем более.

Может, поэтому, чтобы успеть попасть в строй победителей, мы с моим родственником Виктором, сыном расстрелянного дяди Феликса, и помчались в военкомат. Нас не взяли по возрасту. Однако уже 3 января 1942 года меня вызвал тот самый офицер, который не хотел зачислять нас в солдаты, и вручил направление в Бакинское пехотное училище. Это в него, выгнанный из военно-морского, я отказывался пойти учиться в мирное время. Но сейчас это же было совсем другое дело!

Я так старался, что спустя несколько недель уже был сержантом, командовал отделением курсантов. А в мае получил учебный взвод, стал вести занятия.

И тут произошел такой случай. Наш лейтенант доверительно сообщил мне об одном курсанте, что тот «стукач». Я же из чувства солидарности и дружбы не смог не поделиться с товарищами. А на следующий день взводом, доверенным мне, уже командовал другой, не такой разговорчивый парень.

В глубокой обиде я направился к начальнику училища, комбригу Коновалову.

Для нас это был человек легендарный. Участник финской кампании, он получил тяжелое ранение и мог бы вообще сидеть дома. Но не таков был комбриг – он стал руководить училищем.

Странный получился разговор. Я пришел проситься на фронт, а он, бывалый вояка, герой, меня отговаривал – убеждал, что училищу нужны грамотные люди. Но самое странное и непонятное – уверял, что я еще успею навоеваться. Тогда я воспринималось это как пораженчество: что же, комбриг считает, что война затягивается?!

Но я на эту тему распространяться не стал, решил представиться карьеристом, который сообразил, что на фронте воинские звания

можно получить гораздо быстрее. Впрочем, почему представиться? В те годы я действительно хотел не только защищать родину, но мечтал расти по службе, получать новые звания, производить впечатление на девушек... И я прямо сказал начальнику училища: «Знаете, я хочу быстрее сделать военную карьеру!»

Комбриг Коновалов посмотрел на меня с грустью: «А деревянный крест карьеру не перечеркнет?»

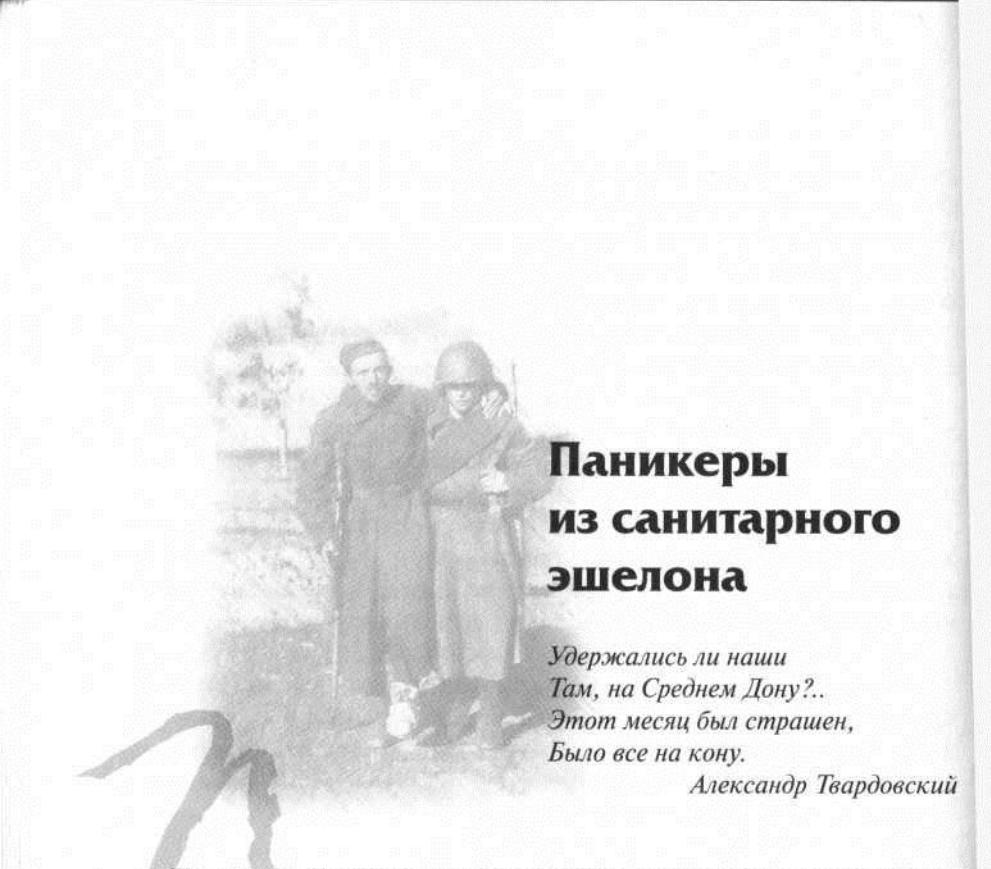
Мне бы прислушаться, да куда там! Я, говорю, везучий. Да и потом, как можно отсиживаться, когда твои товарищи идут на фронт! «Дурак ты, — вдруг сказал начальник. — Но еще больший дурак твой лейтенант Морозов. Это он тебе про стукача рассказал?»

Тут я совсем разошелся: «Вот, оказывается, зачем вы мне свою жалость показываете. Будто бы утовариваете на фронт не ходить, а сами что-то другое у меня выпытываете. Я воевать пойду, а кого-то ни за что ни про что в тюрьгу? Нет, ничего мне ваш Морозов не говорил. И вообще, может, это мне померещилось!»

«Может, и померещилось», — вдруг радостно согласился начальник и отпустил меня на фронт. Я тогда подумал, что он не покарать лейтенанта собирался, а предупредить.

Но ничего этого я уже не узнал.

Передо мной лежала дорога на войну.

Паникеры из санитарного эшелона

*Удержались ли наши
Там, на Среднем Дону?..
Этот месяц был страшен,
Было все на кону.*

Александр Твардовский

Перед отправкой в войска нам дали зарплату и сказали, что это на целый месяц. Как сейчас помню, 600 рублей. Курица в то время стоила ровно половину этих денег. Еще выдали сухой паек. Объяснили, что поедем мы в Сталинград. Через Махачкалу, Прохладное, Тихорецк и так далее.

Я тогда подумал: опять нас на фронт не пускают. Где фашисты, которых могут вот-вот без меня разгромить, а где Сталинград?!

Может, именно от такого расстройства все деньги мы сразу же обрастили в самогон. Пили неумело, но изображали из себя прошедших все круги ада.

Хорошо, что мои такие же, как я, пацаны, не видели моего прощания с мамой. Кто-то ее предупредил, и она успела к поезду. Мне до сих пор трудно об этом рассказывать. Конечно, мама знала про разгоравшуюся войну не больше меня. Но она была женщиной и матерью, и ее интуиция разрывала ей сердце. Но, даже заливаясь слезами, она умудрялась успокаивать меня.

Оказалось, не зря.

В Махачкале нас вывели из вагонов и заставили разгружать санитарный эшелон, прибывший с фронта.

Мы выносили окровавленные тела, людей без рук, без ног. Те из них, кто был в сознании, кричали, шептали нам, зеленым панам, еще не нюхавшим пороха: «Куда вы едете! Немец прет без остановки. У них танки, самолеты, артиллерия. У нас ни черта!»

Потом я понял, это было почище немецкой пропаганды. Поэтому убежден — нельзя подпускать зеленых, необстрелянных юношей к поездам с тяжело раненными бойцами.

С ужасным настроением сели мы в этот же, не отмытый от крови состав и продолжили свой путь к Сталинграду. Когда добрались до Прохладного, нас нагнал «юнкерс». К нашему счастью и к чьему-то горю, он уже где-то выполнил свою работу, сбросил бомбы. Поэтому нас «угощал» из пулемета стрелок-радист, находящийся в хвосте. После того, как длинная очередь прошла по паровозу, поезд остановился. Мы попрыгали из вагонов и рассыпались по окрестным садам. Я лежал под цветущей яблоней и считал свою жизнь — вначале по секундам, потом по минутам. Спустя многие годы я увижу фильм Марлена Хуциева «Июльский дождь». Автор ясной и оптимистичной «Весны на Заречной улице», любимой миллионами, вдруг снял сложный фильм о шестидесятых годах, когда началось переосмысление многоного в нашей истории, когда люди начали утрачивать прежние идеалы.

Я человек по натуре деятельный и в интеллигентских сомнениях героев принял, может быть, не все. Но персонаж, которого играл Юрий Визбор, мне был понятен и близок. Его герой, прошедший войну, очень редко и нехотя о ней говорит, но однажды вдруг признается, что не любит сирень. Не любит, оказывается, потому, что в свое время несколько суток пролежал в сирени, когда «с трех сторон были их танки, впереди наше минное поле».

Тревожные чувства, вызываемыми определенными запахами, звуками и даже вкусом тогдашней «военной» еды, мне хорошо знакомы.

...«Юнкерс» улетел, мы стали подтягиваться к поезду. Нам поменяли паровоз, но тут поступило ошарашившее нас сообщение — Тихорецкую заняли немцы. Так мы поехали обратно от фронта — в Махачкалу, где оказались без денег, еды, а главное без ясного понимания — что же дальше. Сопровождавший нас майор метался по городу до тех пор, пока не достал где-то протухшей селедки и сухарей. Поселились в церкви, состояние которой после нескольких дней нашего бессмысленного пребывания в ней трудно себе представить.

Наконец нас погрузили на теплоход «Чичерин» и повезли в Астрахань. Снова налеты «юнкерсов», стрельба, паника. А главное — ощущение полной беззащитности.

Прибыли в Астрахань, где снова начались поиски еды и ночлега. Павел Пекарский, который был опытнее и еще до училища немного хлебнул фронта, отыскал в городе какую-то дальнюю родню, и это немного облегчило наше положение.

Мало того, однажды вечером Павка объявил группе близких ему ребят, что мы идем в цирк. После всего пережитого это сулило маленький праздник. Но у Пекарского на цирк были другие виды — там он срезал у одной санитарки сумку и стал обладателем четырнадцати тысяч рублей.

Когда я это узнал, сразу бросился бить ему морду: «Как ты мог?! У кого?! У сестры милосердия!» Но Пекарский меня буквально ошарашил: «Ты подумал, Люциан, откуда у нее такие деньги? Наивняк, это же сестры раненых обирают!»

Начали спорить. Одни не верили в корыстность и подлость медсестер, другие рассказывали страшные истории о женском коварстве. Сейчас те наши споры, наверное, ничего, кроме улыбки вызвать не могут. Но тогда я, признаюсь, все воспринимал с болезненной серьезностью. Тем не менее версия о «медсестре-воровке», помноженная на наше чувство голода, победила. Мы решили, что Павка за срезанную сумку должен ответить отвагой на поле боя, а деньги потратили на общий рацион. Купленные у спекулянтов продукты не только не подточили нашу мораль, но и не насытили молодые желудки ста пятидесяти младших офицеров. Голод преследовал нас всю дорогу до фронта.

Из Астрахани поездом нас повезли в Баскунчак, чтобы там паромом доставить к Сталинграду. Эта дорога запомнилась на всю жизнь только потому, что нас накормили кашей с кониной. Ах, какая это была каша!

Но это было только раз. А так — сухари, гороховый концентрат, который распаривали кипятком прямо из паровоза.

Не было ни котелков, ни ложек. Только на передовой старшина подарит мне свою, запасную, объяснив, что войну можно выиграть без винтовки, но без ложки вряд ли. До сих пор не могу понять — как же это опыт такой страшной войны не учтен до сих пор и в мирное время солдаты умирают от голода, замерзают, не добраившись до места службы, потому что плохо экипированы. Ничего не стоит солдат, прибывший к месту боя голодным, простуженным, изможденным.

...Недавно я посмотрел американский фильм «Враг у ворот». Ждал его показа, потому знал, что это про Сталинград, в котором сам был в те трагические дни.

Картина повергла меня в изумление своей трактовкой событий. По американской версии получалось, что город устоял благодаря одному человеку, главному герою, некоему мифическому снайперу Валентину Зайцеву, одолевшему в жестокой дуэли немецкого суперстрелка.

Такую глупость не хочется даже комментировать.

А уж эпизод переправы наших солдат и командиров на пароме через Волгу под огнем немецких самолетов и вовсе нельзя смотреть без возмущения. Я был на этом пароме и должен сказать, что паники наших воинов, вроде той, что показана в фильме, не было. Люди прыгали за борт, пытаясь избежать авиаобстрела, но никакие «особисты» их не расстреливали в упор. Это полная чушь. На самом деле при переправе происходила другая трагедия: в ходе боев по Волге разлилась и загорелась нефть. И, подобно довоенной катастрофе на каспийском танкере «Советская Армения», здесь тоже в огненном потоке стали заживо сгорать люди. Это было пострашнее того, что навыдумывали американцы.

А сочинили они немало. Какие-то немыслимые по тем временам празднования маленьких побед наших войск в Сталинграде. Где и кому могло прийти в голову закатывать торжества, когда город вместе с военными штабами, можно сказать, зарылся в землю, ушел в подвалы? Да и потом абсолютно неверно представлять, что мирные жители в панике покинули Сталинград, оставив его военным. Да если бы не поддержка населения, еще неизвестно, как бы все повернулось...

Могу простить голливудским «живописцам» любую чепуху и даже не без интереса смотрю некоторые боевики. Но оглуплять историю, причем другого народа, — стыдно и недостойно серьезных художников.

Конечно, даже если человек сам все видел своими глазами, это все равно его личные ощущения и переживания. И я был тоже лишь одним субъективным свидетелем тех тяжелых дней. Мне, например, казалось, что большинство тех, кого я встретил по дороге на фронт, рвались на передовую. Когда на переправе заглох грузовик, его водитель действительно запаниковал: машина закрывала путь другим, а там, на передовой ждут... Не знаю, что меня дернуло растолкать ребят и заглянуть под капот заглохшей машины. Сразу понял, откуда незаметно слетел электропроводок. Завел мотор под громкое

«ура!», выехал на берег. В кузов тут же стали набиваться желающие скорее добраться до фронта. Но водитель объяснил, что у него отдельное задание...

Таких эпизодов были сотни, тысячи. А вот если бы в то время мы, приближающиеся к фронту все ближе и ближе, могли взглянуть на происходящее с нами с некой стратегической высоты, то картина нарисовалась бы следующая.

Шел второй год войны. Немцы продолжали наступление. Они рвались к Дону и Волге.

Они – это 6-я полевая армия под командованием генерал-лейтенанта Паулюса. 14 пехотных, 1 танковая, 2 моторизованные и 2 охранные дивизии. Волжский бассейн с юга-востока пытались занять два корпуса 4-й танковой армии Гота вместе с 8-й итальянской и 3-й румынской армиями.

С воздуха эту армаду поддерживали 1200 самолетов люфтваффе.

А что же мы? Путь к Дону прикрывали войска 62-й и 64-й советских армий. Они вступили в бой на реках Чир и Цимла, но были сметены. Значительная часть личного состава попала в окружение.

Наше командование плохо понимало направление главных ударов противника.

Вот что писал десятилетия спустя военный историк:

«Полусформированные 62-я и 64-я армии лишь начинали втягивание в излучину Дона. В каких-то пятидесяти километрах от линии фронта полумиллионный город Сталинград битком был набит беженцами и эвакуированными предприятиями, оборудование которых громоздилось где попало, в том числе – на железнодорожных путях. Оборонительные сооружения на подступах к городу лишь начинали строиться. Силы Сталинградского фронта даже на 20 июля, через неделю после прибытия двух новых армий, состояли из 38 дивизий. 20 из них едва насчитывали 2500 человек личного состава каждая, да и те собраны были из остатков растрепанных частей. 14 дивизий числили в своем составе от 300 до 1000 человек. Так как три армии (62-я, 63-я и 64-я) имели все вместе 4 (четыре!) зенитных установки, противовоздушная оборона самого города была в это время оголена в пользу защиты переправ на Дону и крайне важного железнодорожного моста через Чир у Обливской. Об авиационном прикрытии не говорим. Откуда было ему взяться при соотношении сил 3,6:1 в пользу немцев... Вывод? Похоже, нанеси тогда вермахт удар по советским армиям в большой излучине Дона всеми силами, с участием еще полнокровной и обеспеченной горючим 4-й танковой армией Гота, – и Сталинград бы пал.

Это, несомненно, влекло за собой форсирование вермахтом Волги.

Это открывало путь на Астрахань.

Это был бы точный выбор времени и места.

Это был бы страшный удар, как минимум затягивавший ход войны, возможно, на годы.

К счастью, Гитлер военным гением не обладал и неврастенически распылялся на все цели. Сталинград он посчитал обречённым перед силами 6-й полевой армии Паулюса и приданного ему танкового корпуса».

Так полагает историк, отводящий ошибке, глупости, бездарности Гитлера некую роковую роль. Но ближе вывод, который делает в своих воспоминаниях еще один наш тогдашний военный противник.

Генерал Г. Гудериан: «...Левый фланг группы армий «Б» был задержан сильным сопротивлением русских, не смог форсировать Дон и продвинуться на восток... Русские не теряли присутствия духа даже в труднейшей обстановке...»

Но с этим холодным анализом я ознакомлюсь значительно позже. Я еще даже не добрался до войны. Мне еще многое предстоит увидеть, узнать, пережить. Я еще столкнусь с настоящим мужеством, стойкостью, благородством. И с трусостью, предательством, ложью.

Все еще впереди. Мне вот-вот стукнет 19 лет. Я иду в полную неизвестность. Страшно ли мне? Не знаю. Но очень хочется есть...

«Я был пехотой в поле чистом...»

*И остался один во вселенной,
Прислонившись к понтону щекой,
Восемнадцатилетний военный
С обнаженной гранатной чекой...*

Григорий Поженян

Линия фронта в те дни пролегала в 150 километрах от Сталинграда, и при постоянных, изматывающих авианалетах попасть на передовую было большой проблемой. Нас разбили на группы человек по 25. Моей дали провожатого — майора, выписанного из госпиталя.

До передовой надо было топать и топать. Причем только ночами, потому что днем педантичные немцы охотились даже за одним человеком. Помню, ранним утром мы увидели наш грузовик, а за ним уже пристроился «юнкерс». Несколько очередей, и вот уже из машины выскочили два человека и побежали к лесополосе. Но настырный немец гонялся за ними до тех пор, пока не добил обоих.

А мы лежали в кустах, вжавшись в землю. «Юнкерс» охотился на предельно низкой высоте. Но мы все, включая приставленного майора, шли на фронт без оружия. Шли, честно говоря, бессмысленно, не зная точно направление движения. Шли, пока в одну из ночей не наступила полная неясность. Слева взлетали немецкие сигнальные ракеты, и справа — тоже немецкие, и сзади — тоже. «Куда же мы идем?!» — бросился кто-то к майору. «Куда надо...» — ответил тот очень неуверенно.

Продвигались куда-то еще ночь или две — сейчас уж и не упомню. Наконец вышли на наших. Спросили, кто они. «Четвертая танковая

армия», — ответил солдатик, видно, с таким же военным опытом, как и мы.

Тут я перескакиваю через годы, чтобы заметить: когда меня принимали в партию, кто-то из партбюро, читая мою автобиографию, строго поправил: «Не было у нас в то время танковых армий...»

Пришлось ответить: «Это танков в тех армиях не было, а названия были...»

Я как раз и попал в такую, в 4-ю армию, которая без танков. А командовал ею по иронии судьбы Крюченкин, генерал от кавалерии. Человек он был отважный, по-своему компетентный, но лошадь все-таки не танк.

А меня зачислили в 731-й полк 205-й дивизии.

Но туда, куда назначили, еще предстояло попасть! Мне, теперь уже лично мне! — дали провожатого. И мы пошли с ним искать мое место на этой войне.

Как и прежде, передвигаться можно было только ночью, днем немцы не давали голову поднять — настолько сильный был огонь по всему, что шевелится. Тем не менее добрались. Полком командовал заменивший убитого командира начальник штаба майор Кильдо. Он направил меня в третий батальон и назначил командиром пулеметной роты, в которой был один пулемет, стрелявший только одиночными.

Я получил свой окопчик, который мне посоветовали углубить. Как мне показалось, этот совет прозвучал потому, что предыдущих хозяев окопчика уже не было в живых.

Я попробовал копать — известковая почва была как камень.

А назавтра случилось следующее. Неожиданно откуда-то выскочили два немецких мотоциклиста. Всем показалось, что это вражеский прорыв. Началась беспорядочная стрельба из всего, что было. Потом мы побежали. Ясно, что не вперед. На меня вначале эта паника, прямо скажу, подействовала. Но, слава Богу, что-то сработало. Остановился как вкопанный. А мысль простая: «Это куда же мы прем?! Скорее всего, мы окружены и позади тоже немцы! Не зря же эти два придурка на мотоциклах раскатываются». Тут меня и другое осенило: вспомнилось, что во времяочных блужданий разжился наганом. С тремя патронами! Выхватил его, шарахнулся куда-то в сторону немцев и заорал: «Стоять!»

Бежавшие замерли. Все смотрели на меня. «Вы что, не видите?! Их же всего двое!» — крикнул я.

«Все равно не вырвемся!» — заорал замполит роты Козырев, но я его скепсиса не разделил и еще раз бодро выстрелил в сторону мото-

циклистов. Хорошо, что моему примеру последовали все, у кого было из чего стрелять. Получилось не очень слажено, но смело. Фашисты развернулись и исчезли.

Мы вернулись в свои окопчики. Эта первая победа. Не над немцами – над самими собой.

После этого случая майор Кильдо проникся ко мне уважением. А ведь шел мой четвертый или пятый день войны. Комполка позвал меня на командный пункт, где обсуждались возможности прорыва. «Лейтенант, у тебя есть кто-то из местных?» – спросил он меня. Таких не оказалось. Не было ни у кого и карты. Поэтому мне было поручено взять «языка». Уже само по себе задание было фантастическим: практически необстрелянные ребята должны были отправиться в тыл к немцам.

Тем не менее впятером мы отправились на охоту. Я где-то подобрал винтовку СВТ, в которой оказалось несколько патронов. Может, поэтому мы шли, довольно уверенные в себе. Почти сразу же напоролись на немцев, и первой же очередью одному из нас, молодому лейтенанту влепили пулю прямо под каску. Мы даже не смогли вынести его тело.

Отойдя от вражеских позиций, стали искать связь с командованием своего батальона. А это тоже было проблемой. Между подразделениями не было никаких способов общения, кроме посыльных, которых немцы чаще всего замечали и накрывали минометным огнем. Фронт дивизии, вытянутый бездарным руководством на ширину пятьдесят километров, противник кромсал как хотел.

Мы заняли оборону в своих окопчиках и вскоре увидели, как впереди, левее от нас идет цепь немцев и палит от живота из своих «шмайсеров». Фашисты шли метрах в пятистах от наших окопчиков, даже не пригибаясь. Иногда, чтобы было удобнее стрелять, опускались на одно колено. Такого стерпеть мы не могли и начали стрелять по ним из винтовок. Но они на нас даже не обратили внимания. Позже я пошлю младшего лейтенанта найти штаб нашего батальона. Он вернется с опрокинутым лицом: «Они там все в щелях постреляны, и комбат, и замполит, который казах, и все связные...»

Комбата и замполита я видел лишь однажды, они мне показались людьми опытными и смелыми. Только что они могли в этой ситуации?

...Немецкий самолетик противно жужжал, сбрасывая листовки, в которых сообщалось, что мы обречены, немцы вышли к Сталинграду, война проиграна. Мой старшина Колька Черкасов листовку поднял, положил в карман. Это я позже вспомнил, а тогда оставил без внимания.

Майор Кильдо снова прислал за мной, я прибыл вместе со связным и узнал от командира полка, что завтра идем на прорыв. Нашему батальону ставилась задача выбить немцев из деревни Ближняя Перекопка. В основном солдаты и командиры были из недобитых подразделений нашей 4-й танковой армии (204-я и 205-я Дальневосточные дивизии). Но были и ребята из других формирований. Помню два орудийных расчета, прибившихся к нам.

План наступления вырабатывала группа командиров, из которых я был лишь старший по званию. Но ко мне прислушивались не поэтому, а как к одному из бывалых вояк, остановившему позорное бегство с поля боя.

Остаток ночи прошел без сна. А утром, после сигнальной ракеты, мы ринулись вперед. Перед нами на возвышении открывалась эта самая Ближняя Перекопка, и уже от такого расположения было ясно, у кого превосходство.

Не знаю, что может сравниться на войне с кинжалным пулеметным огнем. Особенно с таким, который обрушился на нас. Была стопроцентная видимость, очень короткое расстояние между атакующими и обороняющимися. Это даже обороной называть было трудно. Трассирующими пулями, летящими на высоте полуметра от земли, нас стали буквально выкашивать. Оказалось, что вокруг деревни немцы врыли в землю танки. И из них укрытые броней пулеметчики с 50 метров поливали нас свинцом. Мы, на свою беду, наступали по сухому хлебному полю, которое сразу же загорелось. Это был настоящий расстрел. От батальона в 600 человек в живых осталось 11 счастливцев.

Кого я помню из тех, кто тогда выжил? Младшие лейтенанты Яковлев и Спешилов. Младший политрук Козырев, который стал уговаривать меня выходить из окружения вдвоем. Но я резко сказал ему: «Людей не брошу». Были еще старшина Николай Черкасов, старший сержант Очкуров и пятеро солдат, имена которых уже стерлись из памяти. Перечислил кого смог. А вдруг кто-то еще жив или родные помнят что-нибудь? Хотя сколько их было тогда, Ивановых, Яковлевых, Козыревых, попавших в такую же страшную передрягу...

Собравшись в группу, подобрав оружие, мы стали ждать ночи, чтобы все-таки попробовать вырваться из окружения и найти командование полка. К нам стали подтягиваться люди из других подразделений.

И вот усталые, измученные неизвестностью, мы лежим в огромном овраге в ожидании темноты. Потому что ночь была для нас гораздо более мощным оружием, чем то, что имелось в наших руках.

Пробиваться решили на Воронеж. Потому что еще майор Кильдо, собирая нас, говорил, что немцы уже под Сталинградом и в город нам не попасть.

Редкие осветительные ракеты заставляли время от времени вжиматься в землю. С возвращением темноты мы, в основном перебежками, двигались вперед. Но что там, впереди?

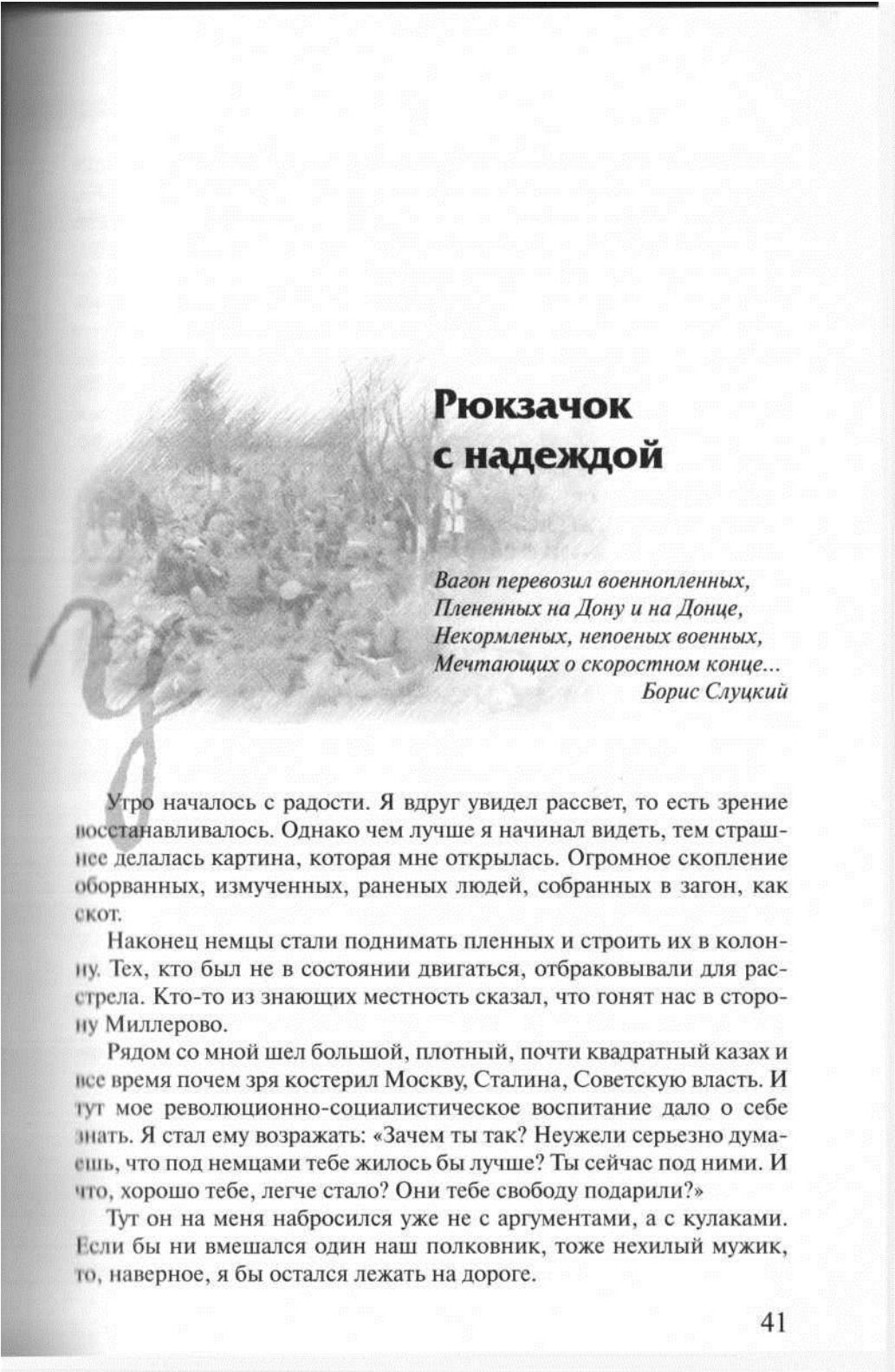
Когда, как нам показалось, были пройдены все вражеские охранения, вдруг затарахтели автоматы и пулеметы, в воздухе засвистели мины. Не помню, как я оказался под какой-то телегой, потом меня выбросило куда-то в низину. Показалось, что это был тот самый овраг, из которого мы начали наш печальный прорыв. Я слышал только разрывы мин, но почему-то абсолютно ничего не видел. Даже вспышек взрывов и выстрелов не различал. Что-то случилось с глазами.

Потом пальба стихла. Не помню, сколько времени я лежал. В тишине раздалась немецкая речь. Я вспомнил, что оставил себе в кармане гранату РГД и стал ждать, когда подойдут поближе...

Но взорвать себя я не смог, потому что получил сильнейший удар кованым сапогом в затылок и отключился.

Очнулся, когда почувствовал: кто-то меня грубо приподнял и потащил волоком. Снова попробовал дотянуться рукой до гранаты, ее в кармане не оказалось. Но самым страшным не это было, а звучавшая вокруг немецкая речь. Фашисты разговаривали очень спокойно и негромко, можно сказать, по-хозяйски.

Наконец меня доволокли куда-то и положили на землю. Через несколько минут я вдруг услышал, как знакомый голос невесело сообщил мне: «Лейтенант, мы тоже здесь». Собранные немцами в одно место, мы провели остаток ночи в тревожном ожидании. Уже не было никаких надежд на чудо, на то, что вдруг ударит по нашим конвоирам доблестная Красная армия. Потому что еще недавно частью этой Красной армии были мы сами. И вот отвоевались...

Рюкзачок с надеждой

*Вагон перевозил военнопленных,
Плененных на Дону и на Донце,
Некормленых, непоеных военных,
Мечтающих о скоростном конце...*

Борис Слуцкий

Утро началось с радости. Я вдруг увидел рассвет, то есть зрение восстанавливалось. Однако чем лучше я начинал видеть, тем страшнее делалась картина, которая мне открылась. Огромное скопление оборванных, измученных, раненых людей, собранных в загон, как скот.

Наконец немцы стали поднимать пленных и строить их в колонну. Тех, кто был не в состоянии двигаться, отбраковывали для расстрела. Кто-то из знающих местность сказал, что гонят нас в сторону Миллерово.

Рядом со мной шел большой, плотный, почти квадратный казах и все время почем зря костерил Москву, Сталина, Советскую власть. И тут мое революционно-социалистическое воспитание дало о себе знать. Я стал ему возражать: «Зачем ты так? Неужели серьезно думаешь, что под немцами тебе жилось бы лучше? Ты сейчас под ними. И что, хорошо тебе, легче стало? Они тебе свободу подарили?»

Тут он на меня набросился уже не с аргументами, а с кулаками. Если бы ни вмешался один наш полковник, тоже нехилый мужик, то, наверное, я бы остался лежать на дороге.

В плену, в послевоенные годы, до сей поры – я много думал и думаю о природе предательства. Конечно, многое в поведении людей, попавших в ситуации, схожие с нашей, определяли характер личности, запас физических сил, наконец, то, в какой степени поступки человека определяются его принципами.

Теперь-то я понимаю, что убеждения некоторых людей, которые тогда отшатнулись от Советской власти, предали ее, она же сама и сформировала. Я имею в виду национальную политику, которая проводилась в стране в тридцатые годы и в начале войны. Но об этом позже. А пока измученным молодым человеком, не заметившим, в какой из страшных дней лета 1942 года ему исполнилось 19 лет, я иду в сопровождении немецких конвоиров в неизвестность.

От длины растянувшейся колонны было жутко. Иногда пытался представить этих голодных, оборванных и несчастных хорошо вооруженными и экипированными, накормленными и готовыми к сражениям. Не было бы армии, которая бы перед нами устояла.

А на самом деле мы, жалкие, голодные и растерянные, идем вдоль деревни, и я вижу, как молодая женщина в своем дворе моет голову немецкому офицеру. Кто-то из наших начинает хриплым голосом ее стыдить. И слышит в ответ: «А вам самим, герои поганые, не стыдно?! Что ж вы нас так хреново защитили?!»

Ответить на это не берется никто.

Но не все, далеко не все мыли головы немцам. Многие женщины бросали нам хлеб, еще какую-то еду, плакали, глядя на нас. Это была слабая, но все же поддержка.

Что касается еды, то мы подбирали все, что встречалось на пути. Поэтому я и отравился касторовыми бобами, которых нарывал где-то по дороге. Тогда не знал, что оболочка этих бобов ядовита, чуть не умер от страшных болей.

Когда от своих мучений я стал окончательно терять силы, подошел огромный конвой и начал меня куда-то гнать. Я споткнулся, упал на колени, стал ждать выстрела, потому что многих, кто не выдерживал этапирования, немцы убивали не раздумывая. Но неожиданно громила подозвал двух пленных и приказал им помочь мне идти дальше.

Когда меня доволокли до ближайшего селения, снисходительный немец сделал еще одно доброе дело – подозвал местную старушку и велел ей принести кислого молока. Этот «варенец» как раз и вернул меня к жизни.

Дальше случилось и вовсе непредвиденное. «Мой» немец заметил, как из колонны пытается сбежать какой-то парнишка, кинулся

за ним, а в это время на меня набросился полицай-украинец и стал охаживать палкой. И я уже снова собрался прощаться с жизнью, когда неожиданно вернулся милосердный конвой, и вот уже полицай стал получать свои зуботычины и пинки. Может быть, мой покровитель хотел показать – что положено немецкому солдату, не положено украинскому прихлебателю. А может, это было в моей так трагически начинавшейся взрослой жизни первым реальным подтверждением того, о чем говорила в школе наш директор Ревека Исааковна: «Не все немцы – фашисты. И не все фашисты – немцы». Действительно, в тот миг этот украинский полицай был для меня хуже и страшнее Гитлера.

Дальше в пути случилась еще одна радость – какая-то старушка, стоявшая у дороги, выбрала почему-то именно меня и быстро сунула мне в руки рюкзачок. А в нем – сухари! Я так боялся, что охрана конфискует этот случайный дар! Обошлось. Дошли до Миллерово. Там было организовано что-то вроде временного лагеря, а попросту – место, где пленным разрешили упасть и хотя бы на некоторое время уснуть.

Почти все уже спали, а я все ходил, наступая на спящих, и тихо выкликивал своего старшину Николая Черкасова.

Нашел. Только сообщил ему, что у меня есть сухари, как он тут же зашептал: «Давай мне, здесь надежнее». Так я расстался с заветным рюкзачком. А чуть позже, когда нас перегнали в Острогожск и посадили в вагоны, я попрощался с сапогами, последним маминым подарком. Пришлось поменять их на жмы.

Майора Кильдо вместе со всем штабом полка я встретил в Пере-лазово среди других пленных.

В одном из первых пересыльных лагерей была и первая регистрация. Назвался комсомольцем. Немец мирно кивнул, он уже знал, что командирами у нас назначали как минимум комсомольцев.

Комиссаров фашисты расстреливали сразу. С евреями еще немного разбирались. Мой сослуживец Ольман мог бы остаться в живых. Еврей он был, как сам говорил, не совсем настоящий, – не обрезанный. Но когда погиб комиссар, Ольман, не думая, его заменил. Немцы обо всем узнали от какого-то стукача, и это их так развеселило, что они не потащили Ольмана на расстрел. Предложили ему помочь выявлять других евреев. Он отказался, и это уже было явным вызовом.

Ольмана расстреляли на наших глазах.

Сейчас уже трудно воспроизвести в деталях весь этот кошмар. Потому что многое видится как страшный сон, бред. В те дни в мо-

ем сознании все переплелось, смешалось. Иногда казалось, что это уже настоящее безумие.

То и дело раздавались автоматные очереди, это немцы расстреливали больных и слабых. И не было никакой гарантии, что следующим не стану я сам. Но, как ни странно, — страха не было. Он притупился, ушел куда-то на периферию сознания. А из головы почему-то не выходил Колька Черкасов, забравший мешок с сухарями. Вот такая получалась система ценностей.

Я подкатился к одному на вид добродушному полицая и попросил его помочь отыскать Черкасова. «Добряк» вернулся к вечеру мрачным: «Нашел я твоего друга, — недобрым голосом сообщил он. — Видишь вот тот барак? Короче, перебежчики там живут. Кормят их, поят. Твой Черкасов с ними».

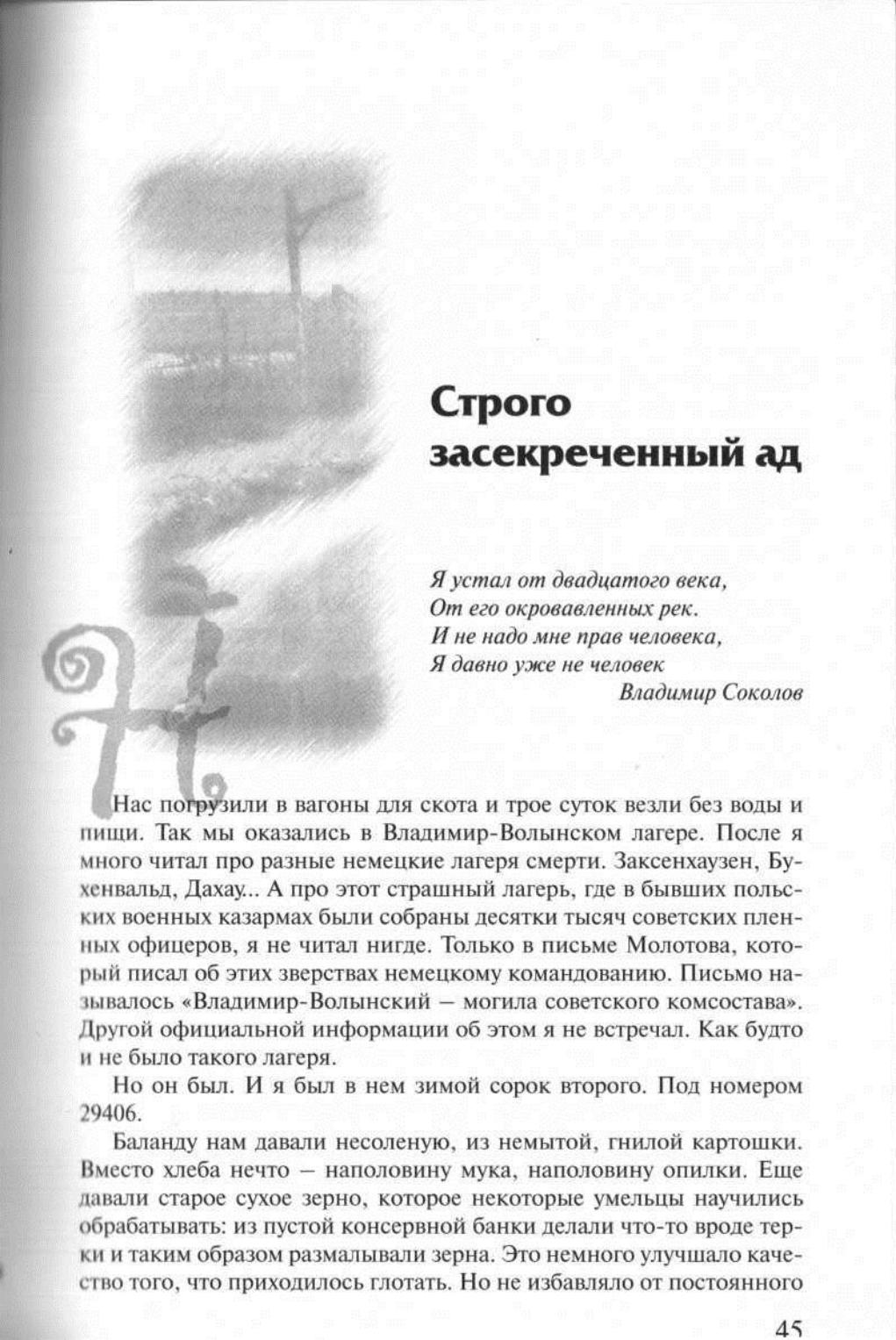
Я не поверил и попросил помочь мне самому во всем убедиться. Вдруг, говорю, он не тот, а однофамилец.

На следующий день полицай привел меня в этот барак. Нет, ошибки не было. Колька сидел на нарах, перебрасывался с такими же довольными, как он, в картишки. За его спиной маячил мой мешок.

«Отдай сухари, гад!» — начал я без предисловий. «Кто ты такой?! — взвился Колька. — Я тебя первый раз вижу. Слыхали, сухари мои ему спать не дают. А ну, вали отсюда!»

Тут не выдержал даже сопровождавший меня полицай: «Ну, ты и сволочь! — набросился он на Черкасова. — Тебя ж здесь кормят, а ты, тварь такая, мародерничаешь!»

Однако попытку одного предателя прочесть мораль другому жители барака для избранных не одобрили, и в результате я очутился там, откуда пришел. Без сухарей, но с разъедающей душу ненавистью к таким, как Черкасов.

Строго засекреченный ад

*Я устал от двадцатого века,
От его окровавленных рек.
И не надо мне прав человека,
Я давно уже не человек*

Владимир Соколов

Нас погрузили в вагоны для скота и трое суток везли без воды и пищи. Так мы оказались в Владимир-Волынском лагере. После я много читал про разные немецкие лагеря смерти. Заксенхаузен, Бухенвальд, Дахау... А про этот страшный лагерь, где в бывших польских военных казармах были собраны десятки тысяч советских пленных офицеров, я не читал нигде. Только в письме Молотова, который писал об этих зверствах немецкому командованию. Письмо называлось «Владимир-Волынский — могила советского комсостава». Другой официальной информации об этом я не встречал. Как будто и не было такого лагеря.

Но он был. И я был в нем зимой сорок второго. Под номером 29406.

Баланду нам давали несоленую, из немытой, гнилой картошки. Вместо хлеба нечто — наполовину мука, наполовину опилки. Еще давали старое сухое зерно, которое некоторые умельцы научились обрабатывать: из пустой консервной банки делали что-то вроде терки и таким образом размалывали зерна. Это немного улучшало качество того, что приходилось глотать. Но не избавляло от постоянного

чувствами голодом. Педантичные немцы даже эту еду раздавали, взвешивая ее на весах.

Могилы тоже были выверены точно. По сорок трупов. Расстреливали каждую ночь. Такой конвейер смерти уже не пугал, а вызывал странную апатию.

Не знаю, что было бы со мною, не встретить я там Женю Ляйне.

Его отец был редактором армейской газеты Минского военного округа. Женя вселил в меня надежду. Он сказал: «Люцик, мы еще попадем туда, где сможем показать этим гадам, на что способны».

Жили в корпусах с выбитыми окнами. За попытки утепления можно было схлопотать что угодно — от зуботычины до пули.

Никогда не забуду, как нас наказывали. Привязывали к палке, переворачивали вниз головой и били по пяткам. Вначале дикая боль, потом теряешь сознание. После экзекуции на пятки невозможно было наступить, и за мученическую походку нас называли «балеринами».

Но были в этом лагере немцы не без чувства сострадания. Нас с Женей один такой устроил истопниками. А это уже и тепло, и возможность получить какую-то еду и информацию. Дело в том, что немцы заставляли наших заключенных ремонтировать награбленные приемники, которые нам удавалось иногда послушать. А едой с нами нередко делились поляки — то хлебом, то картофельными очистками, которые мы называли «лушпайками».

Нам удалось даже собрать детекторный приемник, и мы слушали Москву. Но «истопникское счастье» длилось недолго. Пришел другой немец и выгнал нас обратно в общий барак.

Из общего барака гоняли на работу — пилить дрова. В один из дней на голову мне свалилось бревно. Так я попал в медпункт, где освоил резьбу по дереву. Вначале подарили шахматы русскому врачу, Родионову Василию Дмитриевичу (он оказался из Баку), затем стал изготавливать разные вещицы и менять их у привозивших лес поляков на хлеб.

Доктор Родионов сумел оставить меня при медпункте.

Вообще должен сказать, что многие, в том числе и я, выживали в этом аду благодаря солидарности и помощи товарищей по несчастью, людей, которые еще вчера тебя не знали, но сегодня были готовы делиться всем, что было. И ты понимал, что сам должен поступать точно так же.

Переклички в лагере проводились по несколько раз в день. На плацу. Однажды после обеда, составленного из баланды и отвратительного ячменного кофе, обнаружилось, что кого-то из заключен-

ных не хватает. На плацу повисла тяжелая тишина. И тут все увидели, как бежит татарин, тот самый, которого не досчитались, видно, замешкался где-то.

Но комендант не дал ему вернуться в строй, выстрелил в задыхающегося парня, а нам всем приказал лечь на снег.

«По-пластунски вперед! Встать! Бегом! Лечь! По-пластунски...»

Тех, кто не выдерживал такой зарядки, нередко убивали и хорошили в ямах, тут же неподалеку.

Надо уточнить, что в этот лагерь во Владимире-Волынском с самого начала войны заключенных привозили вагонами (часто из-под скота), набитыми до отказа. В дороге не давали ни еды, ни воды. Надо ли удивляться, что вся трава внутри лагеря была съедена...

Народ умирал от жестокой дизентерии. Трупы вывозили не сразу, поэтому стоял смрад. Питание живых – 200 граммов эрзац-хлеба и черпак баланды из проса.

Мне на помощь вновь пришел доктор Родионов, устроивший меня истопником при медчасти. Я стал топить печку и истреблять вшей. Для этого была придумана специальная вошебойка – лист железа на огне накалялся до красна, и заключенные по очереди трясли свою рваную, грязную одежду, вытряхивая из нее насекомых.

Иногда кто-нибудь приносил поджарить украденную где-то брюкву. Со мной как с истопником делились.

Вообще из этого пленя я вынес очень много. Один из самых страшных выводов, сделанных в те годы: ничто не может унизить человека так, как устойчивое, постоянное, разрушающее изнутри чувство голода. Если ты не ел день, два, три, даже неделю, но потом можешь насытиться и, пусть медленно, но прийти в себя, это одно. А изнуряющее состояние, когда тебя постоянно поддерживают в полуживом состоянии, лишь бы ты не сразу умер – это совершенно другое.

Однажды Василий Дмитриевич Родионов буквально поймал меня, когда я стал падать с вязанкой дров. Но это был не голодный обморок. Это был тиф. Видно, в борьбе со вшами я дал слабину и потому стал жертвой заразы.

По правилам я подлежал немедленной отправке в тифозный барак. Но Родионов знал, что оттуда чаще всего больному открывалась одна дорога – в яму, и постарался меня спрятать.

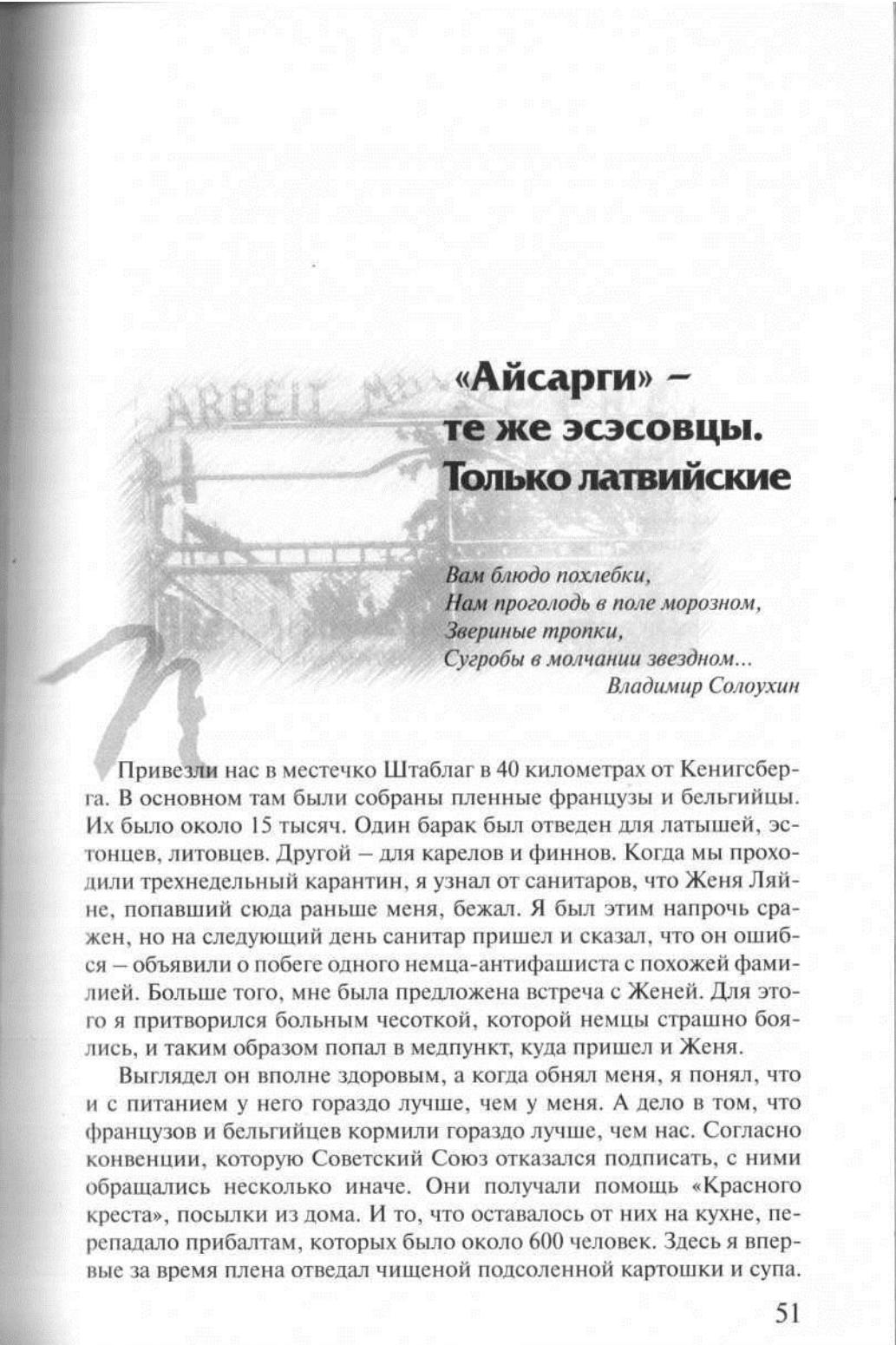
Где я лежал, что со мной было – не знаю. Двадцать один день я был в бреду: где ко мне приходила мама, со мной общались мои школьные друзья, я бегал по бакинским улицам, залитым зеленью. Когда очнулся, то первое, что почувствовал – запах цветов. За окном барака цвели вишни и звучало женское пение. Несмотря на свое ма-

Там же опубликован фрагмент доклада майора канадской армии представителям Красного креста: «Наш представитель по репатриации в Лондоне майор Сорокопуд 13 февраля 1946 года был приглашен больным майором канадской армии Седдон де Сент-Клер в госпиталь в Бремшот, Хемпшир (Англия), где последний сообщил ему: «В январе 1945 г. я в числе 1000 человек пленных с завода Хайнкель был отправлен в лагерь уничтожения Маутхаузен, в этой команде был генерал Карбышев и еще несколько человек советских офицеров. По прибытии в Маутхаузен целый день пробыли на морозе. Вечером для всех 1000 человек был устроен холодный душ, а после этого в одних рубашках и колодках построили на плацу и продержали до 6 часов утра. Из 1000 человек, прибывших в Маутхаузен, умерли 480 человек. Умер и генерал Дмитрий Карбышев».

Сторонники этих версий пытаются опровергнуть эпизод казни Карбышева, который известен нам по книгам и кинофильмам. Мол, никто не поливал его одного ледяной водой на морозе до тех пор, пока тело несгибаемого генерала не превратилось в ледяную глыбу.

Лично я казни Карбышева не видел. Могу даже поверить в то, что жизнь его закончилась не так, как нам преподносили на протяжении многих лет. Только вот я не могу понять, что это меняет? Подвиг Карбышева заключен не в его последнем дне, а в том, как он жил, как вел себя в плену, как помогал держаться другим пленным.

И как раз вот это все я видел и слышал. Для меня Карбышев герой, независимо от того, как он погиб. Я общался не с памятником и легендой, а с живым человеком, который придал мне мужества и терпения. И не только мне — многим. Уже за одно это он достоин памяти и памятника.

«Айсарги» – те же эсэсовцы. Только латвийские

Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звездном...

Владимир Солоухин

Привезли нас в местечко Штаблаг в 40 километрах от Кенигсберга. В основном там были собраны пленные французы и бельгийцы. Их было около 15 тысяч. Один барак был отведен для латышей, эстонцев, литовцев. Другой – для карелов и финнов. Когда мы проходили трехнедельный карантин, я узнал от санитаров, что Женя Ляйне, попавший сюда раньше меня, бежал. Я был этим напрочь сражен, но на следующий день санитар пришел и сказал, что он ошибся – объявили о побеге одного немца-антифашиста с похожей фамилией. Больше того, мне была предложена встреча с Женей. Для этого я притворился больным чесоткой, которой немцы страшно боялись, и таким образом попал в медпункт, куда пришел и Женя.

Выглядел он вполне здоровым, а когда обнял меня, я понял, что и с питанием у него гораздо лучше, чем у меня. А дело в том, что французов и бельгийцев кормили гораздо лучше, чем нас. Согласно конвенции, которую Советский Союз отказался подписать, с ними обращались несколько иначе. Они получали помошь «Красного креста», посылки из дома. И то, что оставалось от них на кухне, перепадало прибалтам, которых было около 600 человек. Здесь я впервые за время плена отведал чищеной подсоленной картошки и супа.

териалистическое мировоззрение, в первый момент я поверил, что оказался в раю.

Потом выяснилось, что пришла весна, и это поют пленные девушки-санитарки.

Это было ощущение необыкновенной легкости. На какой-то миг показалось, что войны нет. Но это был лишь миг, после которого реальность навалилась на меня снова.

Меня выписали в барак для выздоравливающих. Там, по слухам, заключенным давалось усиленное питание. «Богатый» рацион оказался брюквой, извлеченной из прошлогодних бургов, мороженой и загнившей.

Поэтому главным занятием у нас, выздоравливающих, стала охота за витаминами. Ждали, когда охранники на вышках перестанут смотреть в нашу сторону, и бросались под колючку, там еще не все было выедено. Рисковое это было питание. В один из «бросков за травой» раздалась стрельба, и мой сосед рухнул с раздробленным бедром. Но это нас не испугало. Уже было как-то все равно, от чего умирать – от пули или от цинги и голода.

И вот в один из весенних дней явился в барак переводчик, наш, в советской форме, и говорит, обращаясь ко мне: «Шаккум, завтра на транспорт!»

Тут я вспомнил, что еще до тифозной горячки пробрался ко мне Женя Ляйне и сказал: «Люцик, нас, латышей отправляют в Германию. Ты тоже можешь попасть. Поверь, хуже не будет...» Тогда я ничего не успел ответить, впал в «бессознанку», но, видно, Женя не оставил этой идеи.

А я (вот уж упрямство!), ни секунды не думая, ответил: «Не хочу!»

«Ты что, с ума сошел?! – осклабился переводчик. – Тебе жизнь предлагаю!»

Тут я задумался и решил посоветоваться с опытным товарищем. Дело в том, что во Владимир-Волынском лагере я встретил Павленко Евгения Ивановича, начальника строительства 44-го авиазавода из Баку. Его немцы и здесь заставили работать по профессии. Он жил в отдельном рабочем бараке. Я просто упросил полицая свести меня с Евгением Ивановичем, чтобы этот умный и трезвый человек дал мне совет. Он и сказал мне: «Я уверен, в пособники немцам ты не пойдешь никогда. Но и здесь ты, Люциан, не выживешь». Короче, дал он мне «добро» на отъезд в Германию.

На следующий день я уже был в регистратуре, где меня оформили, переодели в старую поношенную, но дезинфицированную и выстиранную нашу форму без погон и петлиц.

Везли нас в Германию три охранника, ехавшие в отпуск с фронта. В Летцине у меня случилась короткая встреча с генералом Дмитрием Карбышевым. Нас поселили буквально через стенку в одном пересыльном пункте. Во время прогулки можно было разговаривать. Я видел, как Дмитрий Михайлович общался с другими заключенными. Это произвело на меня сильное впечатление. В Карбышеве поражало, прежде всего, состояние духа. В нем было то самое чувство собственного достоинства, которое так отличало российское офицерство. А когда он говорил, то его слушали именно его потому, что говорил он без пафоса, тихо, но веско.

Позже, уже в наши дни, я прочту о том, что во время войны в немецкий плен попали 83 генерала Красной армии. Из них 26 человек погибли по разным причинам: были расстреляны, убиты лагерной охраной, умерли от болезней. Остальные после победы были депортированы в Советский Союз. Судьба их сложилась по-разному. Приказ Ставки № 270 от 16 августа 1941 г. «О случаях трусости и сдачи в плен и мерах по пресечению таких действий» для части осужденных генералов стал основанием к смертному приговору. Другие были приговорены к разным срокам, но были и оправданные. Впрочем, вскоре их отправили на пенсию.

Другими словами, генералы делили участь солдат. Наверное, были среди них и те, кто сломался, не выдержал, струсил. Но уверен, что в основном это были мужественные люди. И когда сегодня приходится слышать, что в войну генералы были сплошь трусы и циники, не жалевшие рядовых и любой ценой спасавшие свою шкуру, я в это не верю.

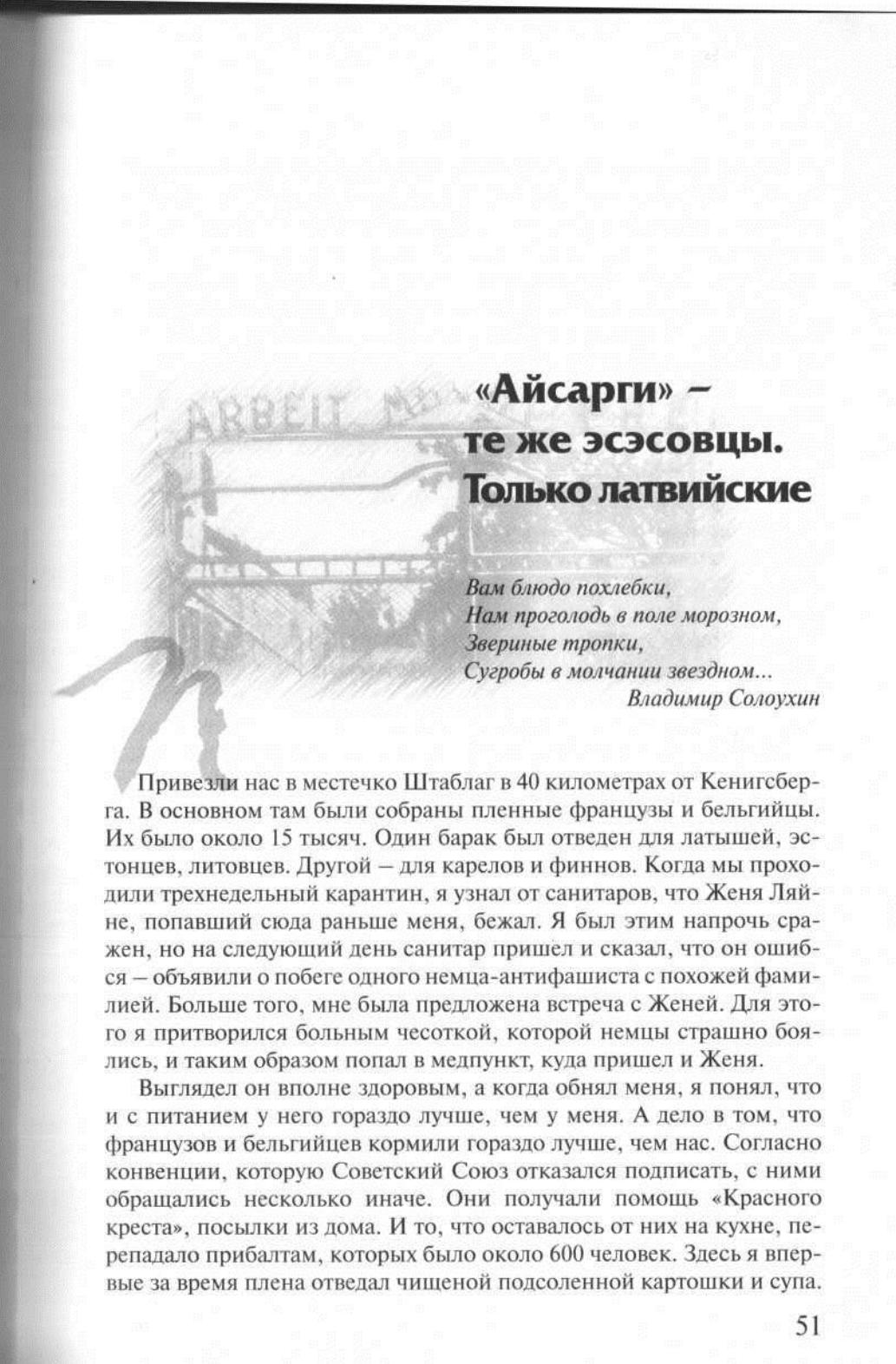
Сегодня даже обстоятельства гибели Карбышева ставятся под сомнение. Одна из современных либеральных газет приводит сообщение бывшего военнопленного подполковника Сорокина: «21 февраля 1945 года я с группой в 12 человек пленных офицеров прибыл в концентрационный лагерь Маутхаузен. По прибытии в лагерь мне стало известно, что 17 февраля из общей массы пленных была выделена группа в 400 человек, куда попал и генерал-лейтенант Карбышев. Эти 400 человек были раздеты догола и оставлены стоять на улице; слабые здоровьем умерли, и их немедленно отправили в топку лагерного крематория, а остальных дубинками гнали под холодный душ. До 12 часов ночи эта экзекуция повторялась несколько раз. В 12 часов ночи во время очередной такой экзекуции товарищ Карбышев отклонился от напора холодной воды и ударом дубинки по голове был убит. Тело Карбышева сожгли в крематории лагеря».

Там же опубликован фрагмент доклада майора канадской армии представителям Красного креста: «Наш представитель по репатриации в Лондоне майор Сорокопуд 13 февраля 1946 года был приглашен больным майором канадской армии Седдон де Сент-Клер в госпиталь в Бремшот, Хемпшир (Англия), где последний сообщил ему: «В январе 1945 г. я в числе 1000 человек пленных с завода Хайнкель был отправлен в лагерь уничтожения Маутхаузен, в этой команде был генерал Карбышев и еще несколько человек советских офицеров. По прибытии в Маутхаузен целый день пробыли на морозе. Вечером для всех 1000 человек был устроен холодный душ, а после этого в одних рубашках и колодках построили на плацу и продержали до 6 часов утра. Из 1000 человек, прибывших в Маутхаузен, умерли 480 человек. Умер и генерал Дмитрий Карбышев».

Сторонники этих версий пытаются опровергнуть эпизод казни Карбышева, который известен нам по книгам и кинофильмам. Мол, никто не поливал его одного ледяной водой на морозе до тех пор, пока тело несгибаемого генерала не превратилось в ледяную глыбу.

Лично я казни Карбышева не видел. Могу даже поверить в то, что жизнь его закончилась не так, как нам преподносили на протяжении многих лет. Только вот я не могу понять, что это меняет? Подвиг Карбышева заключен не в его последнем дне, а в том, как он жил, как вел себя в плену, как помогал держаться другим пленным.

И как раз вот это все я видел и слышал. Для меня Карбышев герой, независимо от того, как он погиб. Я общался не с памятником и легендой, а с живым человеком, который придал мне мужества и терпения. И не только мне – многим. Уже за одно это он достоин памяти и памятника.

«Айсарги» – те же эсэсовцы. Только латвийские

*Вам блюдо похлебки,
Нам проголодь в поле морозном,
Звериные тропки,
Сугробы в молчании звездном...*

Владимир Солоухин

Привезли нас в местечко Штаблаг в 40 километрах от Кенигсберга. В основном там были собраны пленные французы и бельгийцы. Их было около 15 тысяч. Один барак был отведен для латышей, эстонцев, литовцев. Другой – для карелов и финнов. Когда мы проходили трехнедельный карантин, я узнал от санитаров, что Женя Ляйне, попавший сюда раньше меня, бежал. Я был этим напрочь сражен, но на следующий день санитар пришел и сказал, что он ошибся – объявили о побеге одного немца-антифашиста с похожей фамилией. Больше того, мне была предложена встреча с Женей. Для этого я притворился больным чесоткой, которой немцы страшно боялись, и таким образом попал в медпункт, куда пришел и Женя.

Выглядел он вполне здоровым, а когда обнял меня, я понял, что и с питанием у него гораздо лучше, чем у меня. А дело в том, что французов и бельгийцев кормили гораздо лучше, чем нас. Согласно конвенции, которую Советский Союз отказался подписать, с ними обращались несколько иначе. Они получали помощь «Красного креста», посылки из дома. И то, что оставалось от них на кухне, перепадало прибалтам, которых было около 600 человек. Здесь я впервые за время плены отведал чищеной подсоленной картошки и супа.

Немцы, зная сложное отношение прибалтов к Советской власти, смотрели на наши «пиршества» спокойно, потому что постоянно обрабатывали латышей и эстонцев, предлагая им разные виды сотрудничества.

Помню, даже один татарин решил называться латышом, и это у него получилось. Но я-то был парнем советской закалки и считал себя русским. Больше того, у меня было несколько схваток с неким Войделовичем, который почем зря костерил Советскую власть, а я наоборот — защищал ее искренне и зло. Он в моем понимании был самый что ни на есть настоящий антисоветчик. И я все думал: вот моих родственников, ярых сторонников социализма, почему-то арестовывали, морили в застенках, а вот, пожалуйста, Войделович, настоящий враг народа и никто его в тридцать седьмом никуда не упек.

Но если он был антисоветчик, то мы, в свою очередь, собирались в антифашистскую подпольную группу. Костя Адамсон, Женя Ляйне, Антон Мазульс, летчик, герой испанской войны, имел два ордена боевого Красного знамени, Вилис Лейн, Саша Мазинайс и я.

Мы решили достать списки всех тех, кто уже предал родину. И мы их достали, потому что один из нас сумел втереться в доверие к коменданту Аудрингу, жуткому гориллоподобному мерзавцу, которого заключенные боялись больше, чем немцев.

Да, всех, кто соглашался сотрудничать с врагом, мы считали предателями и такими же врагами. Мы так искренне считали в то время. Сейчас я, возможно, многое переоцениваю, но тогда нами двигала непримиримая ярость к айсаргам — так назывались латвийские эсэсовцы.

Их мы ненавидели больше, чем немцев.

Сейчас, спустя шестьдесят с лишним лет, мое отношение к этим людям, скажу честно, изменилось не очень сильно. Когда я вижу по телевизору или читаю в газетах о том, как в прибалтийских странах, бывших республиках СССР, пытаются сделать героями местных ветеранов СС, когда они маршируют по улицам, меня это, естественно, возмущает, если не сказать больше.

Разве люди, на себе познавшие, что такое фашизм, могут спокойно относиться, скажем, к такому сообщению: в эстонском городе Пярну строится новое здание под частный музей Эстонского легиона СС. Музей был официально зарегистрирован еще летом 2000 года, и за это время принял немало посетителей, в том числе и школьников.

Экспонаты размещены в частном жилом доме. Недавно хозяин музея обратился к руководству министерства обороны с просьбой

разрешить установить на крыше дома 88-миллиметровую зенитную пушку времен Второй мировой войны.

Ранее здесь же, в Пирну, был открыт памятник легионерам эстонской дивизии «Ваффен-СС». На открытии присутствовали важные государственные чиновники, которые считают, что это памятник «борцам за независимость Эстонии во Второй мировой войне». Смешно, честное слово! Гитлеровцы никогда не планировали восстанавливать эстонскую государственность! Это было бы равносильно тому, что людоед объявил бы себя вегетарианцем.

Недавно по настойчивым просьбам России Организация Объединенных Наций наконец-то приняла резолюцию, осуждающую феномен восхваления и героизации бывших членов преступной организации «Ваффен-СС». В принятом Комиссией ООН документе особо подчеркивается, что возведение монументов в честь эсэсовцев, проведение их шествий и другие подобные действия оскверняют память бесчисленных жертв фашизма, негативно воздействуют на подрастающее поколение, являются абсолютно несовместимыми с обязательствами государств – членов ООН.

Но правительства прибалтийских стран эта резолюция волнует мало. Пока в Эстонии открываются музеи, в Латвии празднуют 60-летие кровопролитных героических боев латышского легиона СС с Красной Армией. Герои, естественно, эсэсовцы. В торжестве участвуют депутаты парламента Латвии, члены правительства.

Объективности ради нельзя не сказать: у тех латышей, эстонцев, литовцев, что в войну пошли служить фашистам, была своя мотивация, своя правда. Принять я ее не могу, но понять пытаюсь.

Эту правду я не в газете «Правда» вычитал, а нередко слышал от тех, кто сидел со мной в плену в «прибалтийском» бараке. А высказывали они ее примерно так:

«Когда в 1939 году Советский Союз нас «освободил», тех, кого Москва считала богатыми, тут же раскулачили. Кто были эти раскулаченные? Люди, кормящие себя сами, работающие на земле. Такой крестьянин имел пару лошадей, четыре коровы, надел земли. По нашим же меркам такие люди считались богатеями, кулаками, а значит, врагами. Вы своей борьбой с «середняками», «врагами народа», «националистическими элементами» настроили людей против Москвы...»

Наверное, логика в этом есть. Перегибы и репрессии сыграли свою роль. А тут подоспели немцы, тоже те еще «освободители». И часть тех, кого советская власть не успела отправить в Сибирь, выбирала батальон СС.

Но гитлеровцев особенно интересовали другие прибалты — латыши, эстонцы, литовцы «советского разлива», у которых родственники, как у меня, оставались на не оккупированных территориях Советского Союза, что давало возможность для заброски таких людей в наш тыл. Таких в лагере вербовали очень настойчиво. Для пушей убедительности даже устраивались экскурсии в соседние лагеря, где содержались русские. И там, конечно, мы видели то, что невозможно было сравнивать с нашим, можно сказать, «курортным» бытом. Сказать, что немцы ничего в своей вербовке не достигли, значит погрешить против истины. Если они ничего не добивались, то какие списки предателей мы искали, составляли, уточняли?

А наша группа из шести человек занималась этим тихо и упорно, пока наконец не стало ясно — с такими сведениями нужно уходить к своим. Мы знали, что за первую попытку побега полагалось три недели карцера. За вторую — штрафная команда на каменоломни. Ну, а третий — это уже смерть.

Когда после карцера немцы возвращали в лагерь беглецов, наш комендант Аудринг, латыш, устраивал свою экзекуцию — публичную порку. Человека укладывали на «козлы» для пилки дров и отхаживали плетью до потери сознания.

И все же четвертым из нас удалось покинуть лагерь со списками. Вскоре их поймали. Они отсидели в карцере, но по всему было ясно, что беглецам не избежать экзекуции Аудринга, после которой можно и не выжить.

Тогда мы решили поднять барак против коменданта. Надо сказать, что это у нас получилось. Может быть, потому, что немцы старались всеми способами демонстрировать прибалтам свою симпатию. В общем, готовя эту акцию протеста, мы надеялись, что массовое выступление против коменданта будет фашистами не то чтобы поддержано, но хотя бы понято, и что они, почувствовав наше единодушие, садистскую инициативу Аудринга не одобрят. И он это понимал.

Конечно, нам за это пришлось расплачиваться. Нам была устроена провокация. Ночью одним из заключенных, прикормленных комендантом, был инсценирован скандал. Якобы кто-то из нас что-то у него украл. Началась разборка. Я тут же скомандовал людям выходить на улицу, потому что понимал — в темноте, в тесном бараке может начаться что угодно, включая поножовщину...

На улице мы привлекли внимание немецкой охраны, а при ней Аудрингу было уже трудно разгуляться. Сообразив, что провокация не удалась, он подошел ко мне и потребовал сдать свой регистрацион-

онный номер. (В германских лагерях была довольно четкая регистрация, чего не скажешь, например, о владимир-волынском кошмаре, где пленные являли собой стадо, готовое лишь к одному — к убою).

Аудринг взял мой номер и демонстративно разломил металлическую табличку. «Поздравляю, — сказал он. — Ты этого хотел? Теперь ты снова русский». Так он лишил меня права находиться в бараке для прибалтов, и передо мной открывалась прямая дорога туда, куда нас для устрашения водили на экскурсии, в русские бараки. Но на меня в этот момент нашло вдруг странное веселье. «Господин комендант, разрешите обратиться?» «Слушаю вас, сын мой», — продолжала ерничать горилла. «Дело в том, что с такой фамилией, как Шаккум, в русский рай я не попаду, а в латвийский не примут, потому что я русский, да еще и крещеный. Так куда же мне податься?»

Барак зашелся смехом. «В преисподнюю! В преисподнюю!» — орал комендант...

Побег на рывок

*Нам – добежать до берега, до цели, –
Но сныше – с вышек – все предрешено:
Там у стрелков мы двигались в прицеле –
Умора просто, до чего смешно.*

Владимир Высоцкий

В наказание нашу «шестерку» разбили по разным лагерям, и я вместе с Женей Ляйне и Костей Адамсоном попал в команду из ста пятидесяти офицеров, которых отправили на остров Свинемюнде, где строились площадки для запусков знаменитых «Фау-2». Перед отправкой была тщательная санитарная проверка. Каждого раздевали догола, подвергали дезинфекции и одевали в новые робы.

На остров нас повезли по мосту, очевидно специально протянутому к секретному объекту, от которого, как казалось Гитлеру, зависела судьба войны.

Там первым делом мы устроили голодовку. Дело в том, что согласно международным конвенциям военнопленные, да к тому же еще офицеры, не должны были привлекаться к работам на военных предприятиях. Комендант оказался «юмористом». Он сказал: «У вас в России социализм, а у нас в Германии национал-социализм. Но мы тоже живем по принципу «кто не работает, тот не ест». На что я ответил: «А мы сейчас здесь у вас решили по-другому принципу: «Кто не ест, тот может и не работать».

Так и сидели напротив принесенных чанов с супом. Это, конечно же, было испытание, и были люди, которые впадали в голодную истерику, но основная масса держалась стойко. А к вечеру шестерых из нас (а к нашей тройке примкнули еще трое, как сейчас помню — Андреев, Мельников, Цингаль) предупредили, что с нами разделяются.

Это была ночь перед католическим Рождеством. Многие солдаты напились, и мы решили воспользоваться этим, чтобы покинуть лагерь. Можно ли назвать это побегом, если дальше острова все равно не убежишь — не знаю. Но стремление к свободе, пусть к относительной, временной, было неистребимым.

У меня до сих пор хранится первое издание книжки Героя Советского Союза Михаила Девятаева «Побег из ада» — о том, как он с несколькими товарищами улетел с острова Свинемюнде на немецком самолете. Героем Михаил Петрович стал не сразу. Не очень-то вначале поверили в то, что с такого сверхохраняемого аэродрома можно угнать «Хейнкель-111». Тем не менее они это сделали. Но это будет уже после нашей попытки вырваться на волю.

Мы сумели раздвинуть «колючку» и по одному пролезть через заграждение.

Под утро услышали за собой лай собак. И тогда я сказал: «Ребята, так и так крышка! Пошли в болото».

На болоте мы нашли маленький островочек и затаились. Пьяные немцы решили на всякий случай пострелять по подозрительным местам. Как никого из нас не задело, до сих пор не пойму.

Наконец они прекратили пальбу и ушли. Мы выскочили из болота и бегом, бегом! Куда? Не знали — лишь бы согреться — ходу, ходу!

Наконец натолкнулись на какую-то ферму. И первое, что увидели, были не люди, а гуси в загоне.

Наверное, мы были в тот момент не людьми, а хищными зверями. Я первый хватнул одного из гусей за шею, затем стал гоняться за вторым. Тут на крылечке появился немец и истошно заорал. Помню, я увидел перед собой двоих несущихся друзей. Сам я наверняка напоминал в тот миг Михаила Самуэлевича Паниковского из «Золотого теленка».

Но ситуация была далека от комической. Я упал, дыхание перехватило, казалось, вот-вот потеряю сознание, но руки не выпускали гусей...

Когда же мы поняли, что погони уже нет, то занялись добычей. Надо сказать, что гуси нас сильно поддержали. Подкрепившись, мы

двинулись дальше. Короче говоря, наш побег сыграл для нас важную образовательную роль. Мы поняли, что место нашего плена — это не совсем остров. Он все же соединялся с большой землей железнодорожным и паромным сообщением.

Мы стали пытаться попасть на поезд. Но повсюду было много немцев. Тогда мы решили пойти на берег и найти там лодку. И вышли... прямо на береговую охрану. Один из нас бросился бежать. Пожилой немец поднял винтовку, и тут я ударил его по каске прихваченным на кухне топориком.

В итоге мы все равно попались. Немцы, задержавшие нас и поместившие в камеру, нанесли нам рождественской еды и вообще были настроены миролюбиво. Им хотелось поговорить о том, как закончится война.

Завязался спор, и, возможно, наши громкие дебаты стали слышны кому-то из бдительных стукачей. Так что в гестапо мы все-таки попали.

Но это было гестапо, не умевшее работать с военнопленными. Они там, вероятно, среди своих искали шпионов и врагов фюрера, а тут им попались странные люди. Не то солдаты противника, не то гусекрады. В итоге это были не допросы, а долгие тошнотворные выяснения того, что сказал я, что Женя, и в чем наши показания расходятся.

Сейчас я понимаю, что во всем этом чувствовалось одно — война вот-вот закончится. И никакой Вернер фон Браун Гитлера и его шайку своими ракетами уже не спасет.

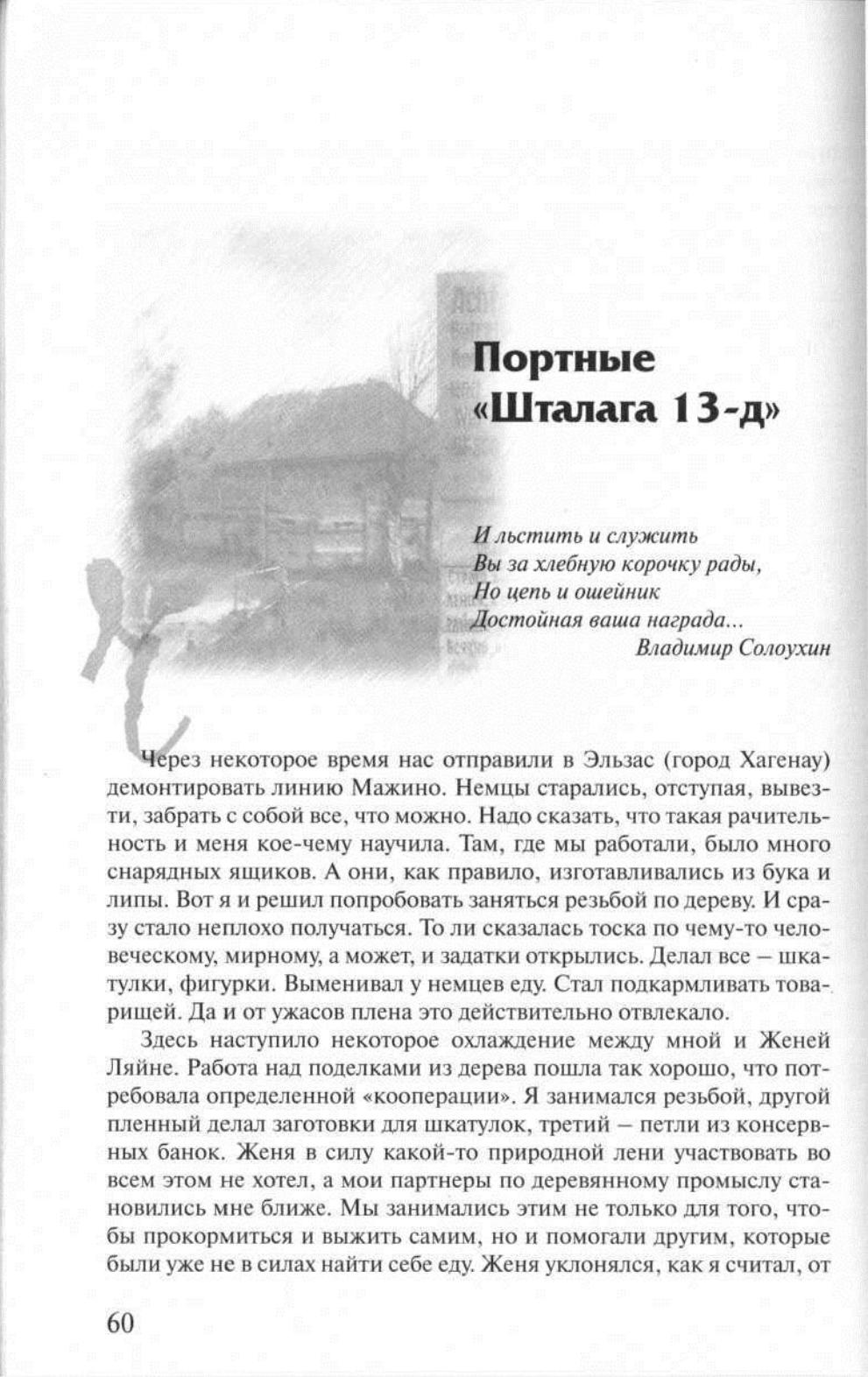
Тем не менее сидели мы в самой настоящей тюрьме. Нас даже какой-то генерал посетил, спросил — есть ли жалобы. Жалоб не было. По сравнению с бараком жизнь здесь была тихая и не такая голодная. Генерал самолично распорядился, чтобы нам прислали настоящего хлеба и сигарет.

Тюремный «уют» нарушили то ли американцы, то ли англичане, подвергшие городок и тюрьму авиабомбажке. Мы не пострадали, но чуть не задохнулись от пыли. Утром нас перевели в лагерь для пленных сербов в город Штаргардт, где мы отсидели три недели в очередном карцере.

Потом был поезд, из которого мы снова попытались бежать — для чего стали делать пропил в полу. Когда я вижу, как в кино из вагонов через пол убегают ловкие герои, честно слово, смеюсь. Если выбираться через выпиленный люк на ходу, то это почти на сто процентов гиблое дело. Сомнет, разорвет и размажет. Поэтому первый из нас нырнул в люк, когда поезд остановился. Спустя ми-

нуту мы увидели, как его вытаскивает охранник. Хорошо, что не застрелил. Все, чего мы добились – наш вагон с дырой в полу отцепили, а нас всех перевели в соседний, то есть заключенных «уплотнили» вдвое.

И мы еще сутки ехали в таком спрессованном состоянии. Покиная эшелон, конечно же, не забыли насыпать в вагонные буksы пе-сочка.

Портные «Шталага 13-д»

*И льстить и служить
Вы за хлебную корочку рады,
Но цепь и ошейник
Достойная ваша награда...*

Владимир Солоухин

Через некоторое время нас отправили в Эльзас (город Хагенау) демонтировать линию Мажино. Немцы старались, отступая, вывезти, забрать с собой все, что можно. Надо сказать, что такая рачительность и меня кое-чему научила. Там, где мы работали, было много снарядных ящиков. А они, как правило, изготавливались из бук и липы. Вот я и решил попробовать заняться резьбой по дереву. И сразу стало неплохо получаться. То ли сказалась тоска по чему-то человеческому, мирному, а может, и задатки открылись. Делал все — шкатулки, фигурки. Выменивал у немцев еду. Стал подкармливать товарищей. Да и от ужасов плены это действительно отвлекало.

Здесь наступило некоторое охлаждение между мной и Женей Ляйне. Работа над поделками из дерева пошла так хорошо, что потребовала определенной «кооперации». Я занимался резьбой, другой пленный делал заготовки для шкатулок, третий — петли из консервных банок. Женя в силу какой-то природной лени участвовать во всем этом не хотел, а мои партнеры по деревянному промыслу становились мне ближе. Мы занимались этим не только для того, чтобы прокормиться и выжить самим, но и помогали другим, которые были уже не в силах найти себе еду. Женя уклонялся, как я считал, от

важного дела, и меня это огорчало. А он вместо того, чтобы присоединиться к нам, обижался на меня, можно сказать, ревновал к тем, кто работал со мной.

Вспоминаю об этом, чтобы было понятно, какими острыми, обнаженными были отношения людей, постоянно находящихся между жизнью и смертью. Сейчас это трудно представить: сегодня ты сидишь в бараке, вырезаешь деревянные цветочки, а завтра тебя может пристрелить какой-нибудь немец, который просто плохо выспался.

Основная работа, которую нас заставляли делать рачительные немцы, была тяжелой: кирками выдалбливали кабель из бетонных укреплений. И был среди охранников садист, которого все звали «майором», хотя кем на самом деле был этот ублюдок, никто не знал. Просто немцы ему разрешали ему убивать немощных доходяг, видели, как ему хочется этим своим страшным рвением понравиться своим хозяевам.

Ребята теряли сознание от напряжения, а он, как зверь, охотился. У «майора» была палка с суком на конце. Бил по затылку, насмерть.

Кроме него был еще один немец, наводящий такой же ужас.

Он был не офицер, а простой солдат. Звали его Шипс. Настоящий зверь, он не упускал ни одного случая, чтобы за малейшую провинность избить пленного. А однажды подозревал молодого тихого казаха, велел ему отойти в сторону и собрать для него черники, которой в лесу было очень много. Но, как только пленный отошел на несколько шагов, выстрелом в спину Шипс убил его — якобы за попытку к бегству.

Через некоторое время нас привели в лагерь, где мы подняли настоящий бунт! Отказались выходить из барака, объявили голодовку, несмотря на угрозы коменданта. Его крики, размахивание парабеллумом не возымели никакого действия. С руганью он покинул барак.

Ночь была очень тревожной: приезжали и уезжали какие-то машины, у ворот стояли несколько солдат, а у дверей барака прохаживался полицай. Выставив дежурных и вооружившись всем, что можно было использовать для самообороны, мы ждали самого страшного.

Утром в барак вошел очень симпатичный пожилой капитан. Он негромко, вежливо предложил всем выйти и построиться на плацу. Перед строем он объявил, что он наш новый комендант и не допустит произвола. По отношению к нам пообещал быть строгим, но справедливым!

Затем он приказал привести Шипса вид, у которого был помятый, и громко отчеканил: «Ты отправляешься на фронт, вот там и по-

кажи, как ты можешь стрелять в настоящего врага, а не в беззащитных пленных». Ни Шипса, ни прежнего коменданта мы больше не видели.

Это был 1944 год. Позади триста тысяч немцев, окруженных под Сталинградом, Курская дуга и Прохоровка, сотни тысяч немецких пленных в России. Все это действовало на немцев отрезвляюще и облегчало нашу горькую участь. А впереди было покушение на Гитлера.

Двадцатое июля. По «удачному» совпадению мне в этот день исполнился 21 год. По немецким обычаям это день совершеннолетия для мужчины, и он празднуется особенно торжественно.

На работе меня подозвал пожилой охранник по имени Фриц. Он что-то сказал второму охраннику и повел меня в глубину леса. Там оглянулся вокруг и сказал: «С днем рождения!» Потом дал мне выпить несколько глотков шнапса из своей фляжки, протянул мне бутерброд с ветчиной и до конца работы велел отдыхать. Я после такого нежданного угощения и не смог бы твердо стоять на ногах.

Конечно, Фриц подвергал себя немалому риску, и этот случай мало вяжется с общим тоном моего повествования. Но это было и подтверждало то, что не все немцы были фашистами и фашистами были не только немцы. Достаточно вспомнить, что сегодня в бывших прибалтийских республиках ветеранов-фашистов чествуют публично, чего не увидишь в Берлине или Мюнхене.

Тогда же в лесу Фриц сообщил мне о покушении на Гитлера, но это было радостью одного дня. Назавтра он с сожалением сказал, что покушение не удалось.

...После высадки англичан и американцев, открывших второй фронт, нашу команду построили и под усиленным конвоем повели на Восток. Первая остановка была в пустой трехэтажной солдатской казарме, в которую наши охранники буквально запихнули упирающегося «майора». Почему они это сделали? Потому что, несмотря на собственную жестокость, презирали садистов, полицаев, предателей и не мешали вершить над такими свой суд.

Судей мы выбирали. Наш трибунал приговорил «майора» к казни через выкидывание из окна. Падая, он едва не зашиб своим телом часового, который заорал: «Что вы бросаете мне на голову всякое дерьмо!» А подошедший капитан велел закопать садиста за оградой казармы.

Оттуда мы попали в «Шталаг 13 д» в Нюрнберге. «Шталаг», «штарлаг» — это все обозначения лагерей, в которых содержались штрафники плены, те, кто за свои нарушения избежал смерти, но на-

казание понес. Здесь мы расстались с Женей Ляйне — его отправили в неизвестном мне направлении (но на этом наши встречи-разлуки еще не закончатся).

В лагере находились в основном итальянцы, люди, прямо скажу, не самые крепкие. Работу их заставляли делать не самую тяжелую — ремонтировать одежду и обувь военнопленных. Но и это, видно, их утомляло, а главное — их не устраивал лагерный рацион. Когда мы прибыли в лагерь, большинство итальянцев, работавших в ремонтной мастерской, уже записалось в добровольцы, и их места достались нам.

Нас спросили, есть ли среди нас сапожники, портные. Я взял и записался в портные — вспомнил, как не раз ломал иголки на маминой швейной машинке, когда шил чехол для ружья и еще кое-что.

Если бы не попал в портные, то, как это было с остальными, оказался бы на страшном заводе с названием «Муна», вокруг которого на пять километров лес был словно выжжен. Можно себе представить, чем там дышали люди...

Во главе мастерских стоял капитан-интендант. Портными командовал унтер-офицер, которому я предложил: «Давайте работать стахановским методом». «Стаханов — дермо», — сказал унтер. «Хорошо, — не унимался я. — Давайте по-американски работать. Тейлора знаешь?»

Дело в том, что после моего опроса оказалось — из пяти моих товарищей только один может строчить на машинке. Унтер Тейлора не знал, но идея конвейера ему понравилась. Так мы и начали работать — один выбирает заплаты, другой кроит, третий наметывает, четвертый шивает и так далее.

Унтер согласился, ему было не до нас. К этому времени он уже выделил из нас двоих настоящих портных, которые сидели за ширмой и шили все по его заказу. За такую теневую экономику унтеру грозил как минимум Восточный фронт.

А тут в один прекрасный день явился к нам какой-то немецкий солдатик, почти пацан. Он поведал, что до нас итальянцы шили здесь домашние туфли, который этот солдатик с приятелями продавал по деревням, имея от этого свой «навар».

Домашние туфли я шить еще не научился, но солдатику сказал — сейчас пойду и посоветуюсь. Пришел к Григорию Ивановичу в «обувной». Это был замечательный мастер родом из тогдашнего Горького (ныне это Нижний Новгород). Модельную обувь делал — просто загляденье. А я к нему с идеей — тапочки шить, да еще нелегально.

Однако он, отметив мою расторопность, согласился делать нам выкройки из плотной ткани, которые мы должны были шить.

Так мы начали свой нелегальный бизнес. Чинили, скажем, шинель. А когда видели, что нет надзора, отодвигали эту работу в сторонку и незаметно строчили тапочки.

Вначале унтер ничего не замечал. Во всяком случае, на себе я этого не чувствовал. Он со мной больше любил поговорить о том, что же будет с Германией, кто победит и прочее. Надо заметить, что немцы и в этом проявляли свой национальный интерес: они все время хотели ясности и точного знания — что же будет с ними и что делать дальше.

Беседы с унтером были забавными, но я в те же дни стал замечать, как он следит за нашим майором, пожилым человеком. Однажды унтер обнаружил, чем занимается майор, и стал бить его тапочками по лицу.

В мастерской воцарилось молчание. Все перестали работать, но старались не смотреть в сторону этой безобразной экзекуции, которую унтер вершил с криками: «Русская свинья, вор!»

Я не выдержал и решил принять удар на себя. Просто отбросил маскировку и стал (открыто, вызывающе!) строчить тапочки. Унтер так растерялся, что не смог даже решить — в каком тоне со мной разбираться. «Мой дорогой, — начал он. — Что это такое? Воровство?»

«Что это такое? — повторил я его вопрос, — Это, как видишь, тапочки. Что же касается воровства, то я знаю среди нас вора куда более серьезного, чем все мы, вместе взятые».

Он стал вертеть головой: «Кто?! Кто?!» «Это ты, — сказал я и сразу же поведал ему историю о том, как некоторые начальники швейного производства вместо того, чтобы делать все для защиты Германии, устроили себе маленькую частную фабрику «за занавеской», где, используя труд заключенных, наживаются на трудностях, переживаемых Рейхом. «Попробуй еще раз тронуть майора, я сам пойду и сдамся гестапо, а уж они там разберутся, кто из нас двоих вор — ты или я. Кстати, ты на Восточном фронте-то бывал?»

Это произвело должное впечатление.

1. Мой дед судостроитель Георгий Шаккум

2. Мой дед по линии мамы Василий Шикин, его жена Александра и два моих дяди Степан и Николай

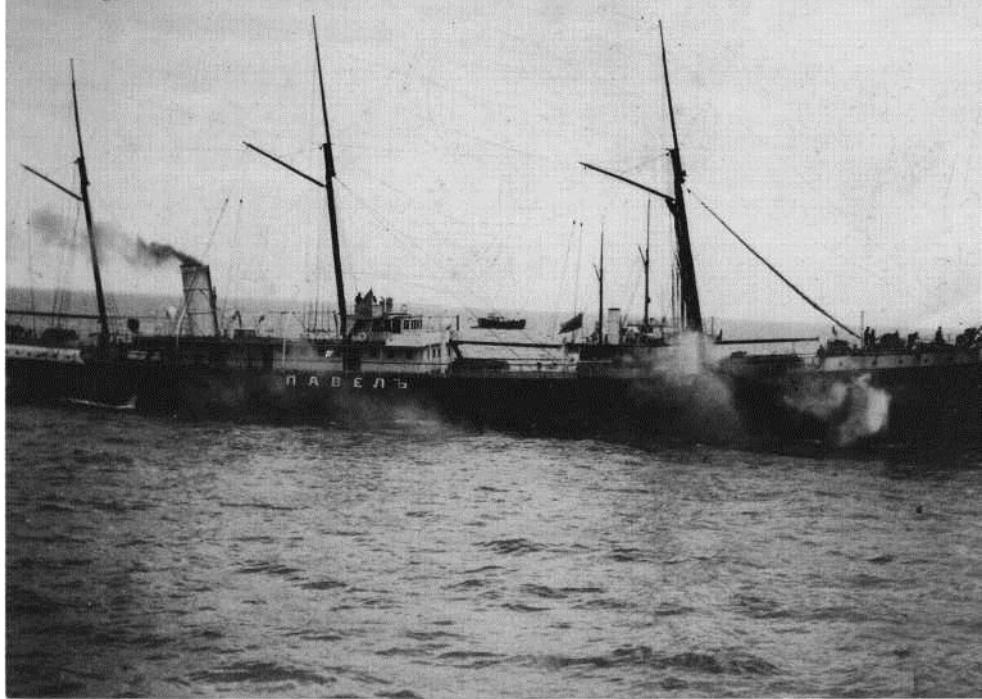
3. Прадед Федор Балакин, прославленный кулачный боец и его жена Анна

4. Дядя Саша, знаменитый караванный капитан
5. Дядя Яша, тоже моряк, судомеханик. После ареста Феликса Шмидта скоропостижно скончался
6. Такими были первые нефтяные танкеры

5.

6.

7. Мой отец Мартин Шаккум

8. Танкер, на котором он плавал

9.

10.

11.

9. Команда танкера "Красный лейтенант Шмидт"

10. Шторм на Каспийском море

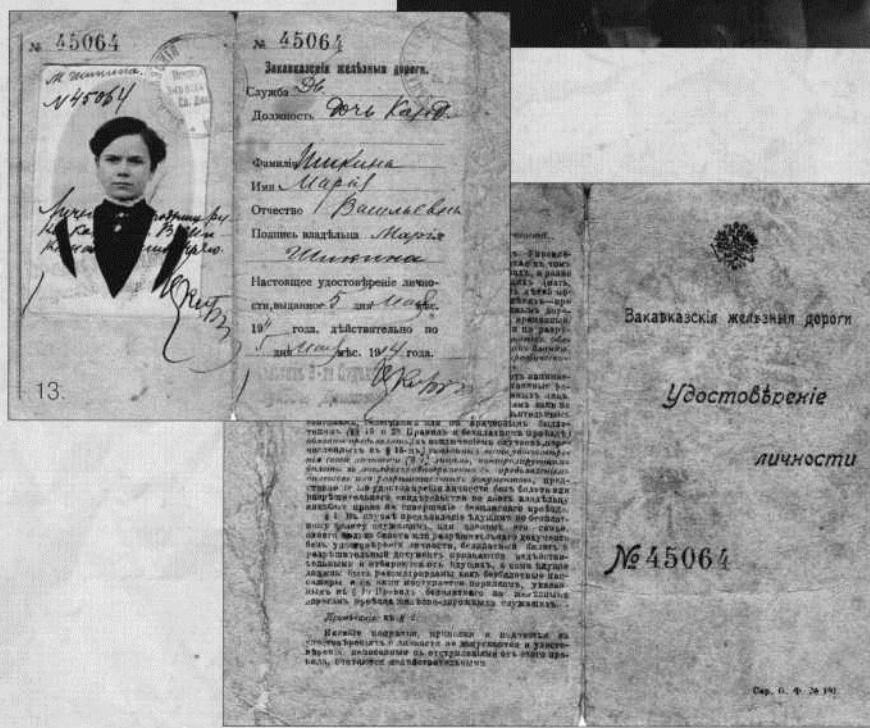
11. Отец - старпом капитана танкера "Галилей"

12. Мой дядя Люциан Шаккум, офицер царского флота, с женой и сыном был сослан в Туркмению

13. Удостоверение "Дочь кондуктора", по которому моя мама в школьные годы имела немалые льготы на транспорте

12.

13.

14.

14. Моя мама Мария Васильевна, такой
ее видел отец
15. Мама перед смертью отца
16. Мария, Николай и Петр Шикины в
детстве

15.

16.

17. Феликс Шмидт, был расстрелян в 1938 году

18. Тетя Алида, жена Феликса, была репрессирована вместе с "детьми врага народа"

19. Моя сестра Светлана, в семье ее звали Лялей

20. Бои в большой излучине Дона

21. Советские военнопленные ждут отправки в лагерь

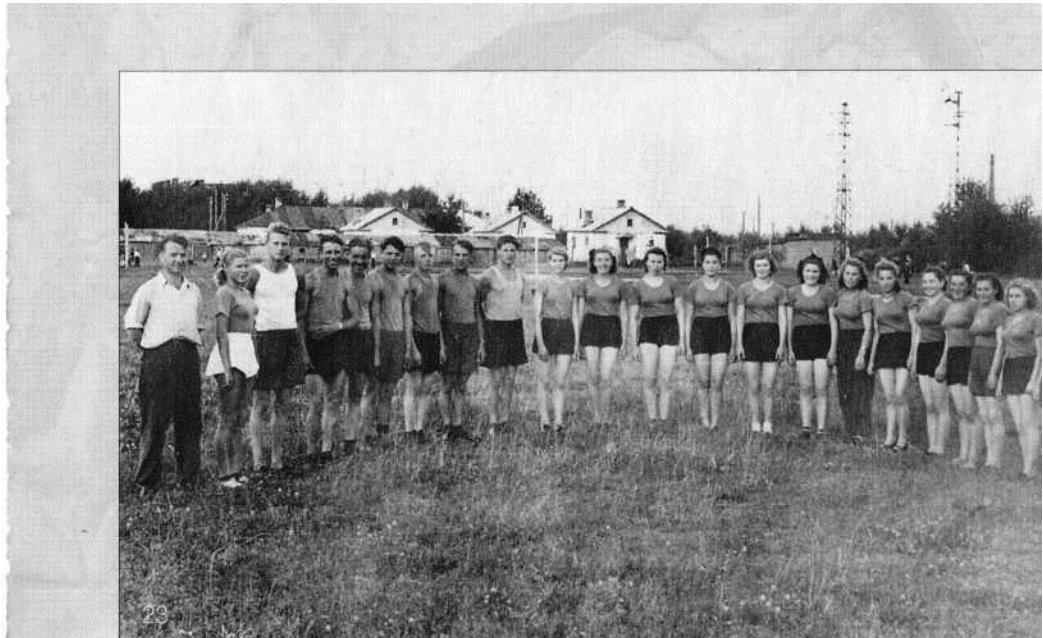
22. Таким я был в 1945 году

22.

20.

23 - 25. Спорт, туризм, художественная самодеятельность. Люди послевоенных лет занимались этим увлеченно и радостно

23 – 25. Спорт, туризм, художественная самодеятельность. Люди послевоенных лет занимались этим увлеченно и радостно

26.

27.

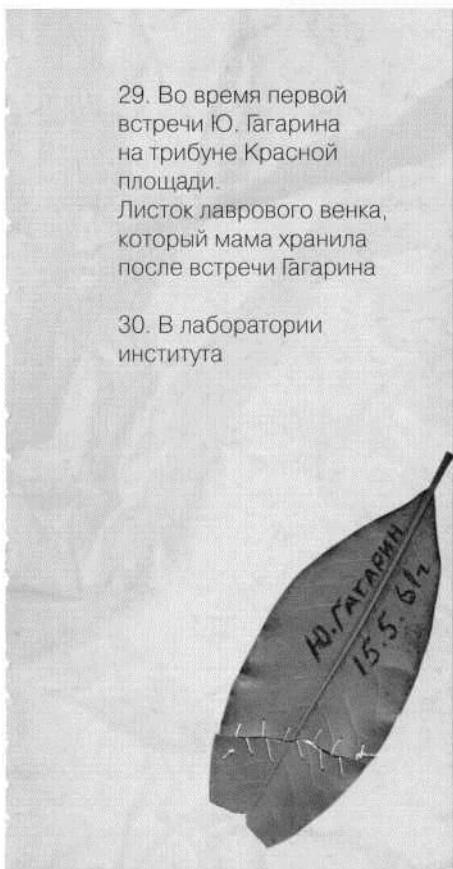

28.

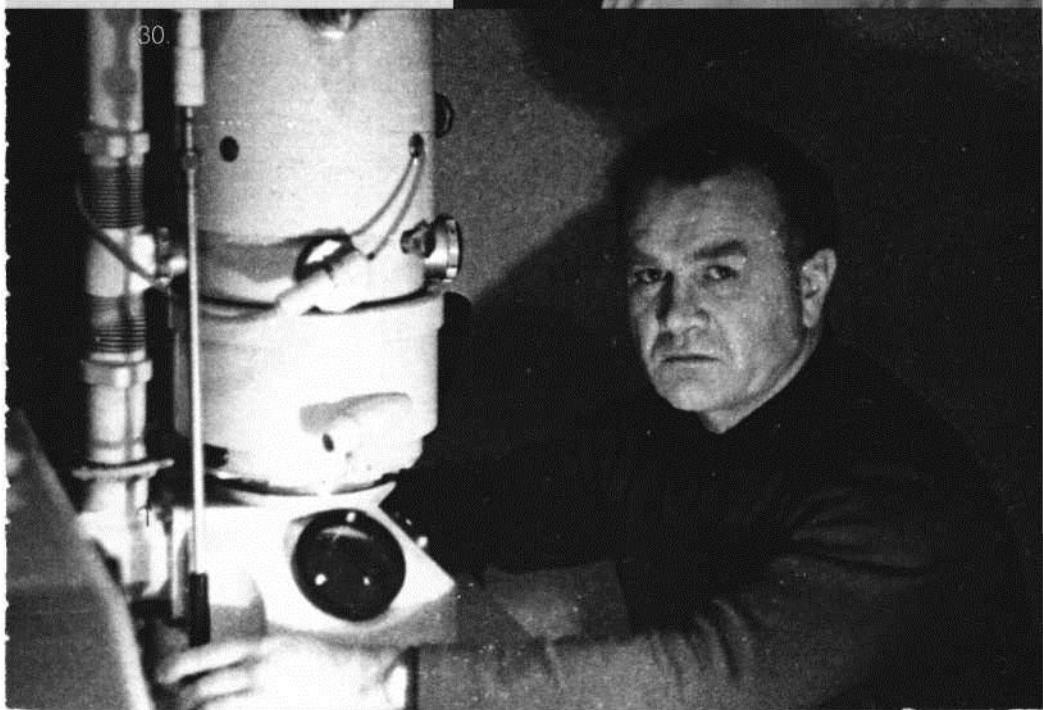
26 – 28. Я веду танцевальный
кружок в пионерлагере
и играю Федю Протасова
в "Живом трупе"

29. Во время первой встречи Ю. Гагарина на трибуне Красной площади. Листок лаврового венка, который мама хранила после встречи Гагарина

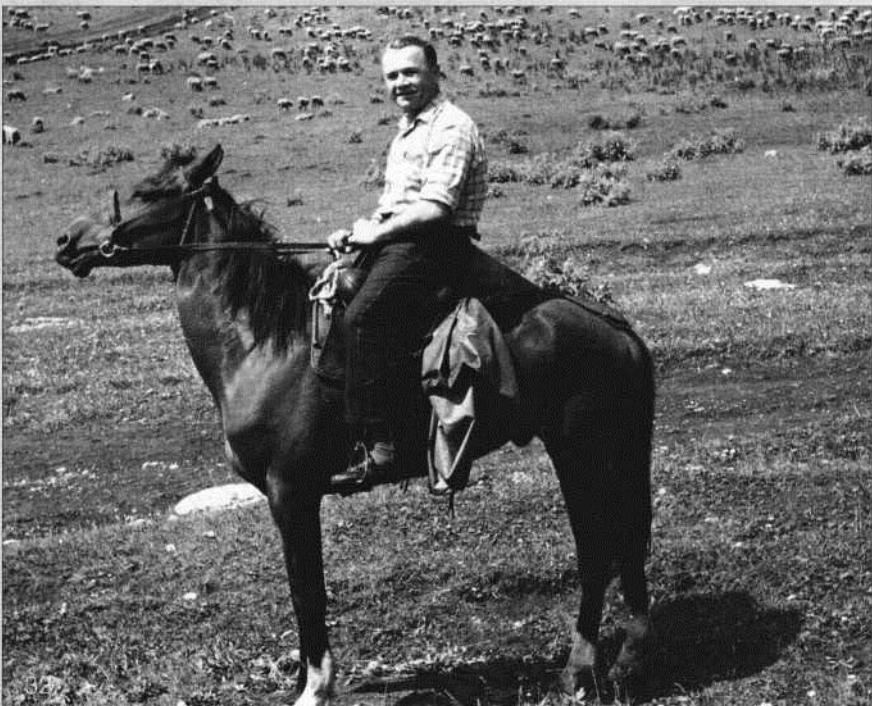
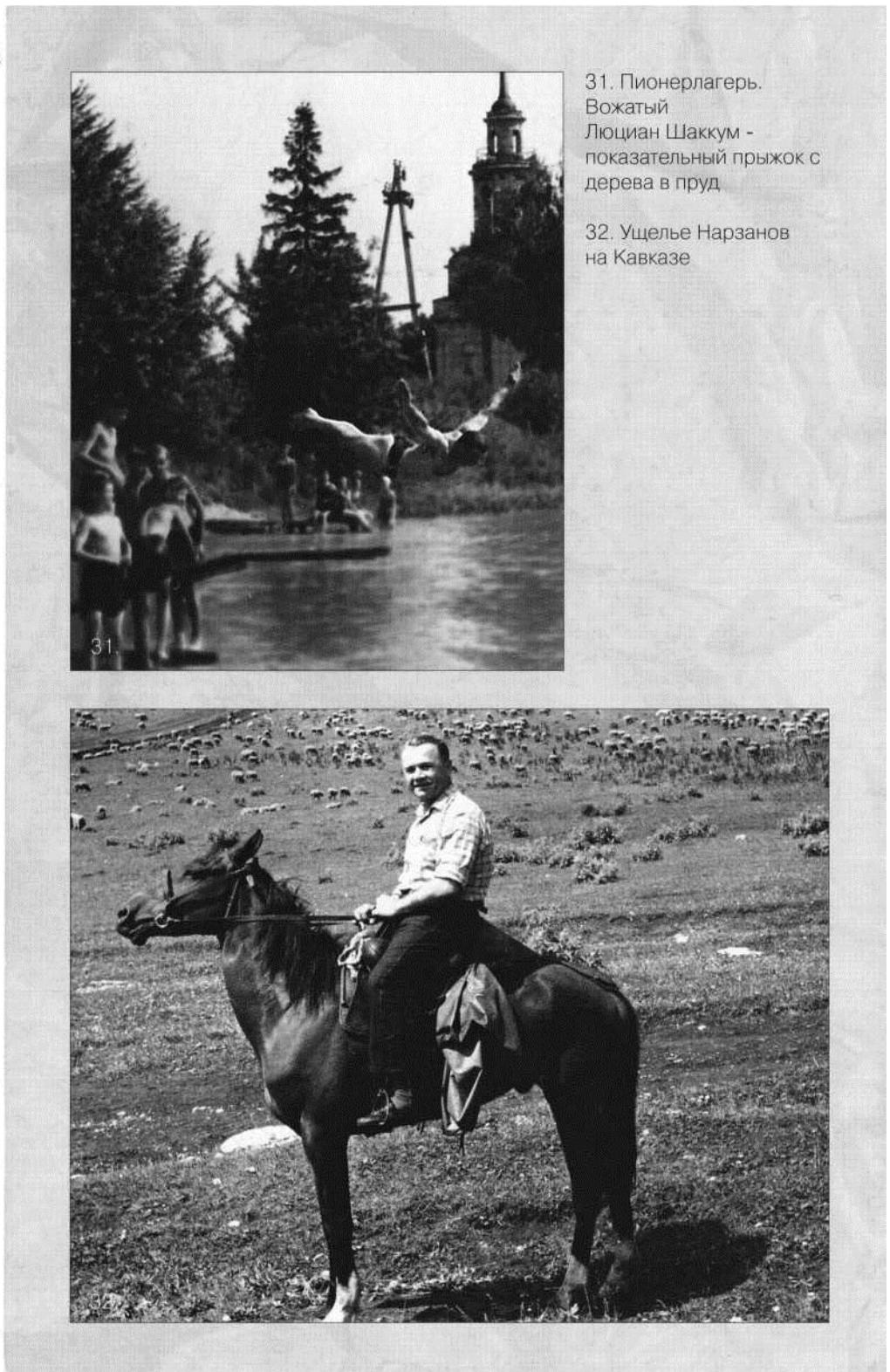
30. В лаборатории института

29.

30.

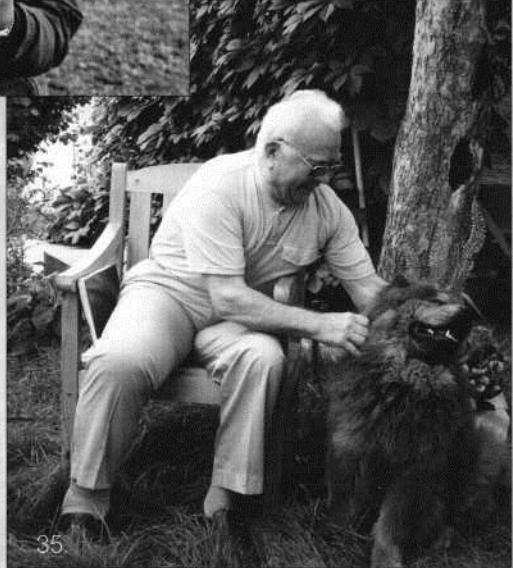

33.

34.

33 – 35. А еще нашу семью объединяет любовь к охоте, рыбалке и домашним животным

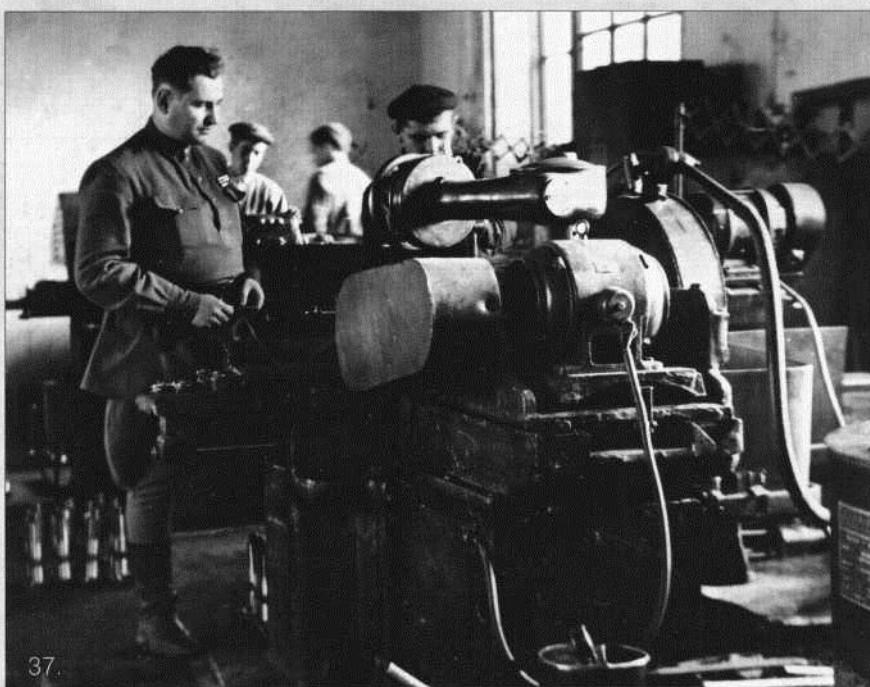
35.

36.

36. Секретарь комитета комсомола завода. В те годы я буквально жил общественной работой

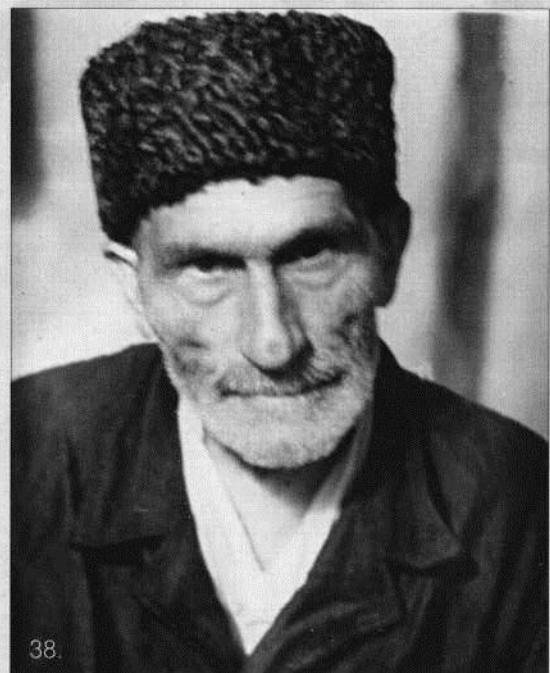
37. Вот таким он был, Тарасенко Михаил Михайлович, мой наставник

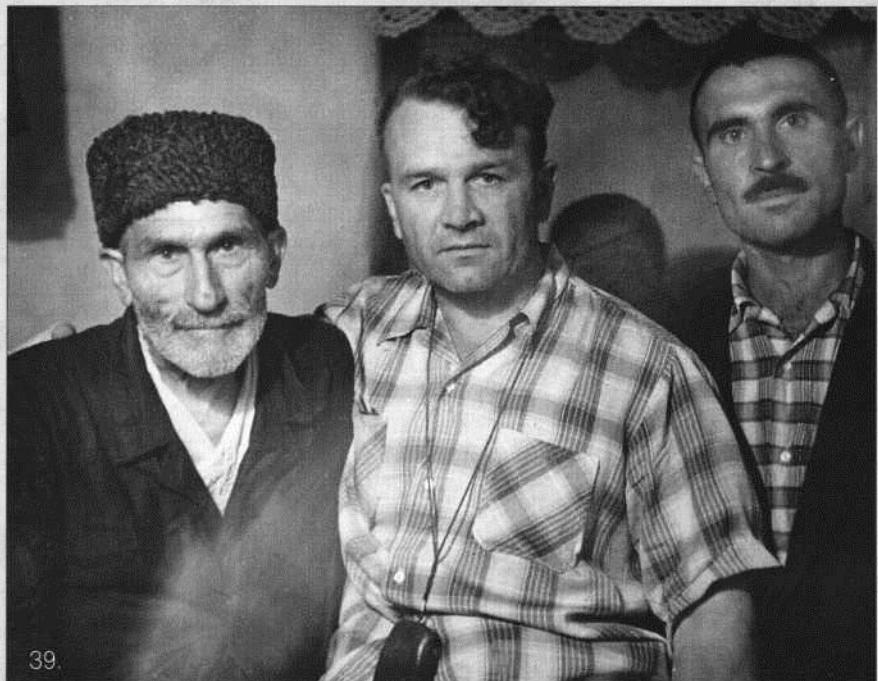
37.

38. Мой "второй отец"
Амирджан, проживший 113
лет

39. С Амирджаном и сыном
спасенного Ага-Гусейна
Хелялом во время первого
послевоенного приезда в
Баку

38.

39.

40.

40. Главный инженер завода Цеммаш Оскар Несвижский, давший мне рекомендацию в партию

41. Лучший и верный друг детства и послевоенных лет Юра Павлов

41.

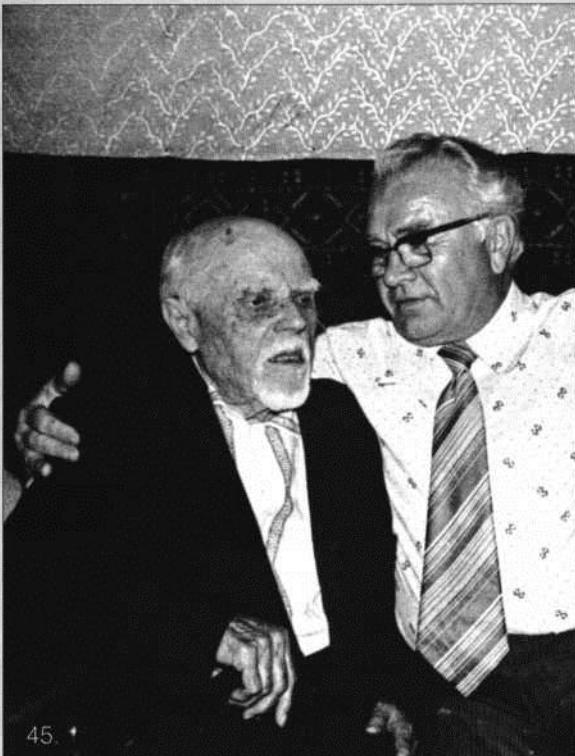

42. Памятник "Подвиг панфиловцев" под Волоколамском отливали студенты ВЗИСИ

43. Московский фестиваль молодежи и студентов. Встречи и беседы с немецкой делегацией

44. Христиан Хайнляйн-младший (второй слева) приехал на охоту в Россию

45.

45. Я с дядей Степой. Он всегда тщательно следил за моим образованием и научным ростом

46. Дядя Вася (в центре), строитель Сталинградского тракторного

46.

47.

47. Мой сын Мартин

48. С Мартином
и Виктором на рыбалке

48.

49.

49. С детства Мартин
любил собак

50.

50. Мой сын курсант
военного училища

51.

51. Мартин с коллегой по Госдуме Александром Жуковым, будущим вице-премьером

52.

52. Мартин в своем избирательном округе. С ним министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу

53. Депутатские будни

53.

54 – 55. Эти снимки сделаны, когда Президент России В. Путин посещал Красногорск. Губернатор Московской области Борис Громов и депутат Госдумы Мартин Шаккум показали ему все, чем могут гордиться наши земляки.

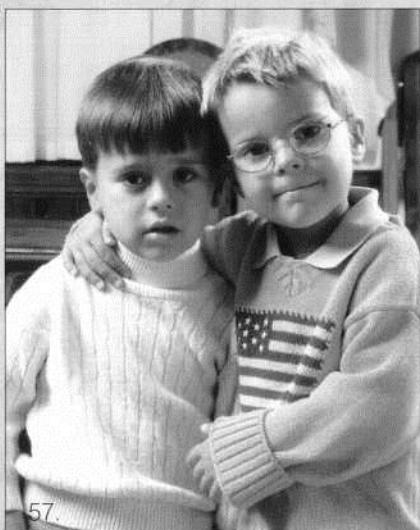

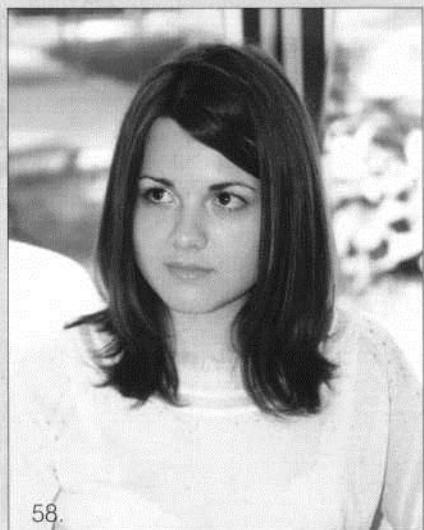
56.

56. Мартин с женой Аллой

57 – 58. Мои внуки и внучка

57.

58.

59.

59 – 60. Любовь
к музыке
сопровождала меня
всю жизнь, и от этого
она становилась
светлее.

60.